

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

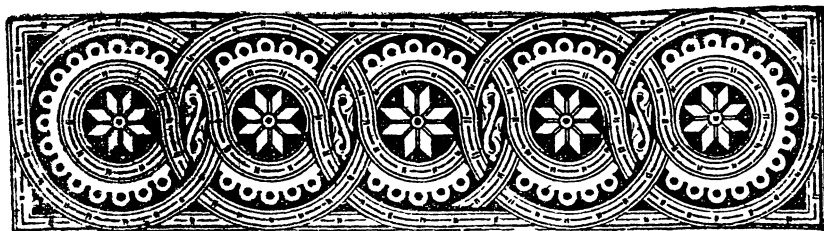
ТОМЪ СХХХ.

1912

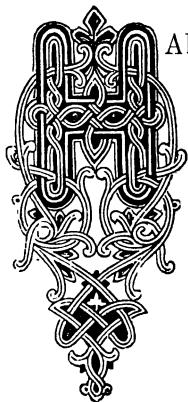
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Зртелевъ, 13
1912

М О З А И К А.

(Изъ старыхъ записныхъ книжекъ).

НАШИ ПРАБАБУШКИ и прабабушки имѣли прекрасный, усвоенный имъ изъ-за границы обычай записывать все, что останавливало ихъ вниманіе изъ лично видѣннаго, слышаннаго и пережитаго. Исполдволь составлялись интереснѣйшіе дневники и записки, цѣнные своей непосредственной постепенностью составленія, и тѣмъ самымъ сохраняющіе удивительную яркость колорита событій и обстановки, при которой внимательная рука набрасывала бывшее на золотообрѣзные листы шагреновыхъ альбомовъ съ секретнымъ ключикомъ.

Теперь, въ нашъ первый, торопливый, на декадентской подкладкѣ, демократическій вѣкъ, тоже пишутъ воспоминанія, и даже, въ послѣднее время, въ весьма изрядномъ количествѣ,—но совершенно иначе: сразу, отгуломъ припоминая то, что случилось наиболѣе интереснаго и вынуклаго въ жизни автора записокъ. Поэтому теперешніе мемуары всегда уступаютъ прежнимъ—многое уже забылось, многое представляется вовсе не такъ, чрезъ десятки лѣтъ, какъ было въ данную минуту на самомъ дѣлѣ, многое же, подъ вліяніемъ времени и накопленныхъ за годы впечатлѣній, принимаетъ совсѣмъ невѣрную окраску...

Я совершенно случайно, вовсе не думая о напудренныхъ предкахъ, слѣдовалъ ихъ примѣру: записывалъ кое-что изъ моей богатой встрѣчами и впечатлѣніями жизни именно въ то время, когда

достойное отмѣтки случалось. Оттого моя «Мозаика» носитъ свѣжесть красокъ совершившагося за много лѣтъ, представляя все такъ, какъ оно было въ тотъ день, когда я занесъ что-либо въ мой дневникъ.

Читатели, какъ я надѣюсь, найдутъ въ моей «лѣтописи» нѣчто интересное и доселѣ въ печати не бывшее.

I.

И въ наше время также бывали, и довольно часто, разныя «студенческія исторіи» и непріятности въ учебной жизни высшей и средней школы, неизбѣжныя забастовки и демонстраціи, которыя тогда еще не назывались «обструкціями» и отнюдь не бывали «химическими». До этого тогда еще не доходили.

Я былъ еще мальчикомъ, въ пятомъ классѣ московскаго лицея цесаревича Николая (Катковскаго), когда въ 1874—75 году краснощекіе приказчики Охотнаго ряда, центральнаго рынка въ Москвѣ, вдругъ стали, въ одинъ прекрасный день весной, «избивать» студентовъ, нападая на нихъ на улицахъ возлѣ рынка и въ университетскомъ дворѣ (по близости, на Моховой), куда неожиданно явились «на расправу»... Незадолго предъ тѣмъ среди студентовъ были обыски, обнаружившіе, какъ всегда, какія-то социальныя брошюры и неизбѣжныя прокламаціи. Кто-то, кому это было нужно, подбили охотнорядскихъ мужиковъ «наказать бунтарей»,—и вотъ было устроено побоище, которое разгоняла полиція.

У князей Львовыхъ, Трубецкихъ, Кутушевыхъ, у Зиновьевыхъ и Дубовицкихъ, куда мы съ братомъ постоянно ходили къ нашимъ школьнымъ друзьямъ, очень возмущались и волновались этой «исторіей» и преувеличивали ее довольно изрядно.

— А вы слышали, какое сегодня побоище было у Охотнаго ряда и въ университетѣ?—взволнованно спрашивали одинъ другого въ старо-московскихъ гостинныхъ грибоѣдовскаго типа, гдѣ Скалозубы, Фамусовы, а особенно Репетиловы и Загорѣцкіе были во время моего отрочества еще обычными фигурами и своими людьми.—Какъ студентовъ-то «пробрали»! И по дѣломъ этимъ буянамъ!

— Этого мало: крамольникамъ-съ,—вставляли Загорѣцкіе.

— Все время норовятъ смутянить, ничѣмъ имъ не угодишь!—кипятились Фамусовы и Скалозубы.

— Ужъ, кажется, имъ ли свободы еще мало? Нѣтъ, давай революцію устраивать...—шептали Молчалины.

— Позвольте, господа,—вмѣшивались Чацкіе:—экая бѣда, что молодежь волнуется? На то она и молодежь, чтобы волноваться,—

пусть бурлитъ. «Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ!» И какія тамъ революціи? Съ чего вы взяли, какой вздоръ!

— Ну, ужъ вы всегда за всякое буйство заступаетесь... Еще недавно Катковъ...

— Вашъ Катковъ обскурантъ!

— Да позвольте же договорить...

— Конечно, безбожники наши студенты, утверждала Хлестова:—все лягушекъ рѣжутъ, а въ церковь ни ногой!

— И моего племянника Ѳедора совершенно въ университетѣ съ толку сбили,—жаловалась графиня-бабушка.—Изъ рукъ отбился и все какого-то Маркса читаетъ.

— Но онъ такой всегда былъ,—поправляла графиня-внучка:—изъ-за-границы такимъ вернулся...

— Не смѣй меня учить, слушай, что старшіе говорятъ.

— Ну, а сколько же студентовъ-то потрепали въ свалкѣ?—любопытствовали москвичи.

— Какъ! вы не знаете? Нѣсколько тысячъ!—оповѣщали Репетиловы, но имъ даже и москвичи не хотѣли вѣрить.

Вотъ какое отношеніе въ обществѣ къ студентамъ царило въ 70-хъ годахъ. Прошли безслѣдно тѣ прекрасныя времена, о которыхъ я съ благоговѣніемъ внималъ отъ моего отца и дяди, слушателей Т. Н. Грановскаго, когда слово «студентъ» было чуть не священнымъ, и когда предъ любымъ студентомъ всюду открывались настежь двери, какъ предъ самымъ дорогимъ гостемъ.

Это было очень печально, но это было такъ, и, несомнѣнно, наше студенчество въ сказанномъ явленіи не совсѣмъ неповинно. Конечно, множество студенческихъ волненій возникало исключительно на почвѣ разныхъ недоразумѣній съ начальствомъ, которое никогда у насъ не умѣло ладить съ молодежью и само же раздувало эти волненія, вмѣсто того, чтобы ихъ скорѣй закончить, но, къ сожалѣнію, окраска пныхъ студенческихъ броженій, охватывавшихъ наши университеты 25—30 лѣтъ назадъ, носила и политическій характеръ.

Что творится въ нашихъ университетахъ теперь, происходило и тогда, въ нѣсколько меньшемъ масштабѣ. Съ одной стороны всегдашняя неустойчивость нашего министерства народнаго просвѣщенія въ вопросахъ русской школы, съ другой—естественная жажда, обуявшая наше юношество, жить полной общественной жизнью, принимать реальное участіе въ окружающихъ событіяхъ, всецѣло сливаться съ ними—и, значитъ, задаваться социальными запросами, устраивать политическіе митинги, зачитываться «нелегальной» литературой и тѣмъ самымъ имѣть дѣло съ начальствомъ, а затѣмъ съ полиціей.

И, однако, какъ это ни прискорбно, все это совершенно, какъ я сказалъ, естественно, иначе не могло быть, и является результатомъ нашей русской дѣйствительности.

Эпоха великихъ реформъ вызвала собой всеобщій подъемъ общественной мысли и самодѣятельности и создала незабываемую страницу русской жизни, названную «шестидесятыми годами». Могли ли отзывчивыя сердца молодежи не волноваться вмѣстѣ со всѣми тѣми же гуманными идеями, которыя, по мапію Цѣря-Освободителя, вызвали Россію къ жизни изъ мрачныхъ тучъ предшествовавшаго царствованія? Конечно, нѣтъ. Молодежь зажглась благородными порывами, и вотъ началось памятное «хожденіе въ народъ», съ цѣлью расшевелить эту спавшую вѣковѣчнымъ сномъ темную массу вчерашнихъ рабовъ.

Несомнѣнно, на этой зыбкой и скользкой почвѣ произошло немало прискорбныхъ уклоненій отъ прямого пути, и вмѣсто просвѣщенія народа стала нарождаться оппозиція правительству.

Надо было, конечно, принять немедленно мѣры къ искорененію зла, по ужъ, разумѣется, не тѣми хитрыми способами, какіе тогда же придумало правительство, введя классицизмъ въ гимназіяхъ и вручивъ заботу о русскомъ юношествѣ графу Д. А. Толстому, который былъ столько же педагогъ и классикъ, сколько любой чиновникъ, дослужившійся несокрушимой поясницей до чина «его превосходительства».

Изъ нашихъ мужскихъ гимназій съ позоромъ изгнали тогда естествовѣдѣніе, какъ опасный путь къ «крамолѣ», и замѣнили интересные и развивающіе уроки по естественной исторіи совсѣмъ никому ненужной и мало продуктивной, какъ отдѣльный предметъ, латинской и греческой грамматикой и наводящими на однихъ сонъ, на другихъ прямо маразмъ переводами изъ навсегда отжившей классической мертвечины.

Графъ Д. А. Толстой съ такими соратниками, какъ А. И. Георгіевскій, котораго называли злымъ гениемъ Толстого, М. П. Котковъ и П. М. Леонтьевъ, которые были даны ему въ подмогу, фанатически исполняли то, что ему было свыше приказано: онъ систематически заколачивалъ головы русскихъ мальчиковъ классическимъ балластомъ, чтобы они поскорѣе тупѣли и не думали о крамолѣ и хожденіяхъ въ народъ.

Именно въ этомъ, конечно, и была главнѣйшая и затаенная цѣль введенія классицизма въ Россію, но эта затѣя не имѣла успѣха: классицизмъ поднялъ противъ себя все русское общество, раздражилъ и озлобилъ молодежь и сталъ готовить студентовъ съ затаенной въ душѣ ненавистью къ учебному начальству и естественной склонностью ко всякимъ оппозиціямъ и обструкціямъ.

Вотъ естественный генезисъ университетскихъ волненій, первые шаги которыхъ проходили за много лѣтъ назадъ предъ моими глазами.

Графа Д. А. Толстого я видалъ въ Москвѣ у его родственниковъ Блиновыхъ и въ лицѣ.

Это была подвижная, низенькая фигурка на коротеньких и тоненьких ножках, съ большой головой, мало выразительной физиономіей и непріятнымъ голосомъ. Въ гостинныхъ онъ говорилъ много о себѣ и своей цѣли ввести въ Россіи «англійское воспитанье», создавъ изъ гимназій типъ колледжей, гдѣ изучаютъ усердно классицизмъ. Его слушать было только смѣшно, такъ какъ классицизмъ въ англійской школѣ издавна поставленъ умѣло и прочно, отданный въ руки опытныхъ и достойныхъ довѣрія лицъ, въ нашихъ же гимназіяхъ преподавали тогда древніе языки невозможные чехи, выписанные для этого изъ-за-границы, которые, помню плохого знанія самихъ классиковъ, переводили ихъ на такой отчаянный, будто бы русскій, языкъ, что воспитанники съ трудомъ немного начинали понимать своихъ педагоговъ лишь послѣ продолжительныхъ вопросовъ и переговоровъ. Бѣдные русскіе гимназисты бывали поражены, когда вдругъ узнавали на урокахъ отъ своихъ преподавателей чеховъ, что великій Цезарь о б о д р а л ъ (ободрялъ) солдатъ, л у п л ѣ (любилъ) походы, никогда не ходилъ въ ретираду (никогда не отступалъ), бывалъ всегда п о б ѣ д ы м ѣ (побѣдителемъ), не любилъ брать въ залогъ (въ заложники) и т. д. и т. д.

Врядъ ли съ такимъ прекраснымъ персоналомъ преподавателей древнихъ языковъ можно было когда-нибудь превратить наши гимназіи въ англійскіе колледжи...

Въ лицей цесаревича Николая, гдѣ я учился, графъ Д. А. Толстой пріѣзжалъ въ 1877 году, весной, вмѣстѣ съ бывшимъ бразильскимъ императоромъ дономъ-Педро, ученымъ филологомъ, тонкимъ классикомъ и полиглотомъ, путешествовавшимъ тогда по Европѣ инкогнито подъ именемъ герцога Алькантара.

Въ лицѣ, основанномъ М. Н. Катковымъ, классицизмъ былъ поставленъ совершенно иначе, чѣмъ въ прочихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. У насъ были отборные преподаватели древнихъ языковъ, и самая система преподаванія отличалась отъ гимназической: насъ не мучили грамматикой и вводили въ изученіе классиковъ очень умѣло и успѣшно. Насъ постепенно пріучали читать латинскій и греческій текстъ *à livre ouvert*, и мы уже въ VI классѣ изрядно разбирали Горація. Конечно, этимъ мы были всецѣло обязаны М. Н. Каткову.

Бразильскій императоръ донь-Педро, высокій, осланистый, полный старикъ, съ краснощекимъ лицомъ и сѣдой окладистой бородой, пріѣхалъ къ намъ въ лицей совершенно неожиданно, рано утромъ. Онъ тотчасъ же пошелъ по классамъ. Его сопровождалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой и директоръ лицея М. Н. Катковъ.

Донъ-Педро, герцогъ Алькантара, былъ, какъ странствующій по Европѣ монархъ, «инкогнито», въ простомъ, очень длинномъ

черномъ сюртукѣ, съ орденомъ Золотого Руна. Графъ Толстой и Катковъ въ мундирахъ.

Когда высокій путешественникъ появился на порогѣ нашего класса, мы занимались съ нашимъ преподавателемъ (со временемъ директоромъ лицея), профессоромъ московскаго университета Г. А. Ивановымъ, латинскимъ языкомъ и переводили Горація.

Герцогъ Алькантара привѣтливо намъ поклонился, подошелъ къ профессору, пожалъ ему руку, а потомъ, сѣвъ на предложенный стулъ, между Катковымъ и Толстымъ, взялъ съ пюпитра книжку, открылъ ее наобумъ и предложилъ одному изъ насъ переводить.

И тутъ на первыхъ же порахъ случился казусъ.

Ода начиналась такъ: «*Dianam tenerae dicite virgines!*» Воспитанникъ перевелъ по-французски: «Діану нѣжныя воспѣвайте вы, дѣвицы!

— *Très bien* (очень хорошо),—сказалъ донъ-Педро.—*Continuez* (продолжайте).

— *Intanzum pueri dicite Cynthium!*—прочелъ ученикъ и началъ было: «вы, отроки, воспѣвайте»... какъ вдругъ запнулся, не зная, очевидно, что значить «*Cynthius*».

Профессоръ Ивановъ уже готовъ былъ прійти на помощь своему питомцу и объяснить, кто такой *Cynthius*, но какъ разъ графъ Толстой недовольнымъ голосомъ произнесъ:

— Развѣ это такъ трудно? Ну, и переводите: «вы, отроки, воспѣвайте юнаго Цинтія».

Но король-классикъ весело разсмѣялся и, обратившись въ сторону Толстого, перебилъ его:

— *Mais non, cher comte, — Cynthius c'est un des noms d'Apollon* (нѣтъ, милый графъ, Кинтіи—это одно изъ именъ Аполлона).

Всѣмъ сразу стало неловко, а графъ насупился и отвернулся отъ коронованнаго филолога. М. Н. Катковъ съ легкой улыбкой, въ которой мелькала пропія, пришелъ намъ на помощь.

— Возьмите другую оду, гдѣ нѣтъ именъ и разныхъ названій, которыхъ воспитанники естественно могутъ не знать,—пу, вотъ, напримѣръ, хоть эту,—и далъ намъ переводить оду, гдѣ старый Горацій вѣщаетъ много высокихъ и прекрасныхъ мыслей и которая начинается словами «*Aequam memento rebus in arduis servare mentem*» (въ часы тяжелыхъ дней спокойный духъ старайся сохранить и т. д.).

Это небольшое стихотвореніе мы перевели вполне изрядно (участвовалъ и я), за что и получили одобреніе высокаго гостя.

Графъ Толстой, однако, все время сидѣлъ насупленный и не обронилъ намъ на прощаніе ни одного слова.

Если въ московскомъ лицѣѣ, какъ я сказалъ, классицизмомъ насъ совсѣмъ не мучили, и онъ примѣнялся тамъ въ предѣлахъ разумнаго, то въ другихъ гимназіяхъ, вплоть до 80-хъ годовъ,

онъ былъ какимъ-то Минотавромъ, пожиравшимъ бѣдныхъ мальчиковъ, а выпускные экзамены по древнимъ языкамъ происходили тогда зачастую въ совершенно исключительной и прямо сказочной по своей утонченной жестокости обстановкѣ.

Представьте себѣ, что въ 4-ой московской гимназіи, напимѣръ, выпускныя испытанія по древнимъ языкамъ происходили такимъ образомъ.

По распоряженію начальства заказывались узенькія, съ однимъ окномъ будки, наподобіе теперешнихъ телефонныхъ, по числу выпускныхъ воспитанниковъ VIII класса. Эти будки разставлялись въ огромномъ актовомъ залѣ гимназіи, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Въ будки ставили стулъ, столъ съ письменными принадлежностями, стаканъ и графинъ съ водой (на случай обморока, что было очень предусмотрительно), и въ нихъ наглухо запирали гимназистовъ, сообщивъ имъ предварительно текстъ, который они должны были перевести на латинскій или греческій языкъ. Раньше, чѣмъ приступить къ переводу и быть запертыми на нѣсколько часовъ въ экзаменаціонныя будки, кончающимъ курсъ юношамъ громогласно сообщались тѣ ужасныя послѣдствія, которымъ они подвергались, если бы было замѣчено, что они дѣлаютъ работу при помощи какихъ-либо вспомогательныхъ приспособленій, чего, конечно, никакъ не могло быть, такъ какъ испытуемыхъ предъ выпускомъ въ актовый залъ раздѣвали донага и осматривали, не принесли ли они изъ дома карманныхъ словарей и чего-либо подобного. Послѣ этой устрашительной процедуры юныхъ страдальцевъ втискивали въ будки, запирали на замокъ и заставляли исполнить *extemporale*, т.-е. письменную работу по древнимъ языкамъ, въ то время какъ у оконъ будокъ то и дѣло шмыгалъ классный наставникъ и заглядывалъ туда, чтобы знать, исправно ли пишутъ свой переводъ неповинные узники...

Вамъ это кажется совершенно невѣроятнымъ, похожимъ на анекдотъ, но все это было и примѣнялось къ воспитанію русскаго юношества въ эпоху «расцвѣта» классицизма.

Согласитесь, что такіе психопатическіе приемы воспитанія съ неизбежной изъ года въ годъ 14-часовой въ недѣлю долбней латинскихъ и греческихъ грамматикъ должны были дѣйствительно вызывать только ненависть и отвращеніе нашей учащейся молодежи къ учебному начальству и къ гимназическому преподаванію, и революціонизированіе нашихъ университетовъ со времени «классической системы» пошло настолько быстро и удачно, что теперь нѣтъ въ Россіи ни университета, ни гимназіи, ни другого какого-либо учебнаго заведенія, гдѣ бы не пріютилась подпольная пропаганда и нелегальная литература.

Мнѣ всегда казалось удивительно страннымъ, чѣмъ-то даже прямо роковымъ, что въ нашемъ учебномъ вѣдомствѣ въ теченіе

десятковъ лѣтъ совсѣмъ не было мало-мальски сносныхъ руководителей, ужъ не говоря о педагогахъ вообще, большинство которыхъ у насъ было и есть ниже самой слабой критики.

Кажется, послѣ Головинна вы не отыщете у насъ ни одного министра народнаго просвѣщенія, который бы отвѣчалъ своему назначенію и пользовался авторитетомъ среди учащаго и учащагося персонала.

Въ 1880 году, подъ вліяніемъ «либеральныхъ» идей графа Лорисъ-Меликова, злополучный графъ Д. А. Толстой (который долгое время самъ бралъ уроки латинскаго языка у какого-то чеха, но не выучился даже правильно склонять слова *шепса*) былъ, при всеобщемъ ликоваіи Россіи, удаленъ отъ должности, и на его мѣсто назначенъ тогдашній попечитель дерптскаго учебнаго округа, нынѣ здравствующій А. А. Сабуровъ. Однако дѣло не пошло лучше. Сабуровъ не могъ исполнить всего того, что хотѣлъ и что обѣщалъ учащейся молодежи, и вскорѣ принужденъ былъ уйти, послѣ устроеннаго ему студентами на университетскомъ актѣ громкаго скандала.

Мнѣ все время казалось и, припоминая прошлое, кажется и теперь, что самымъ подходящимъ министромъ народнаго просвѣщенія былъ бы у насъ М. Н. Катковъ, который п о к а з а л ъ на своемъ лицѣ, какъ нужно и должно преподавать классицизмъ въ средней школѣ, если ужъ безъ него совсѣмъ нельзя обойтись. Я знаю, что Каткову предлагали этотъ постъ, но онъ отъ него уклонялся, и это вполне понятно, такъ какъ онъ былъ, по существу, гораздо болѣе публицистъ, чѣмъ педагогъ, и не хотѣлъ оставлять редактированіе «Московскихъ Вѣдомостей».

Про Каткова въ свое время очень много писали и говорили. Ставши изъ ревностнаго англомана, друга Герцена и Бакунина и либеральнаго профессора московскаго университета, лишеннаго за «излишнее свободомысліе» кафедры, представителемъ архиправаго направленія и редакторомъ офиціоза,—Катковъ, естественно, возбуждалъ нареканія въ «измѣнѣ» своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, при чемъ злобно утверждалъ, что онъ сталъ «правымъ» изъ-за матеріальныхъ расчетовъ, получивъ выгодную аренду на «Московскія Вѣдомости». Въ московскомъ Англійскомъ клубѣ кто-то сострилъ про Каткова: «онъ былъ сначала красный, потомъ вдругъ сталъ бѣлый, а теперь сдѣлался ужъ грязный». Это злобно и невѣрно.

Я съ юныхъ лѣтъ былъ близокъ къ семьѣ Каткова, съ младшими сыновьями котораго былъ товарищемъ по лицѣю, и много разъ въ теченіе многихъ лѣтъ видѣлъ и слышалъ Каткова въ разныхъ обстоятельствахъ и обстановкахъ. Мнѣ лично всегда казалось, что его консерватизмъ былъ не лживымъ. Я не разъ слышалъ, какъ Катковъ развивалъ мысль о невозможности оставаться всю

жизнь на одной точкѣ зрѣнія, что надо плыть по волнамъ жизни, а не безцѣльно бороться съ ними, что часто то, что кажется въ молодости «святыней», представляется потомъ только «красивыми словами», и что суровая дѣйствительность требуетъ жертвъ и отреченій отъ несбыточныхъ утопій...

Во всякомъ случаѣ консерватизмъ Каткова былъ окруженъ ореоломъ недюжиннаго философскаго ума и яркаго литературнаго таланта, и его передовыя статьи читались всегда со вниманіемъ и удовольствіемъ; онѣ имѣли вліяніе въ «сферахъ», и къ нимъ прислушивались даже за границей.

Однако Катковъ никогда не пользовался симпатіями широкихъ круговъ, и на него охотно писались разные памфлеты. Вотъ одинъ, записанный мною въ 1875 г. и не бывшій въ печати:

Кто всей Россіей управляетъ,
Министровъ ставитъ и смѣняетъ?
Кто насъ берегетъ отъ разныхъ ковъ?
М. Н. Катковъ.

Кто усмирилъ сепаратистовъ
И въ грязь втопталъ всѣхъ нигилистовъ?
Кто русскихъ спасъ отъ поляковъ?
М. Н. Катковъ.

Кто, убоясь естествознанья,
Какъ страшной гидры отрицанья,
Спасъ отъ него насъ, дураковъ?
М. Н. Катковъ.

И кто придумалъ для спасенья
Латинскихъ классиковъ творенья,
Поднявши мертвыхъ изъ гробовъ?
М. Н. Катковъ.

Кто основалъ лицей, въ которомъ,
Классическимъ питая вздоромъ,
Готовятъ родинѣ сыновъ?
М. Н. Катковъ.

Кто, увлеченъ единоборствомъ,
Дрался съ Искандеромъ ¹⁾ съ упорствомъ,
Чуть не дойдя до кулаковъ?
М. Н. Катковъ.

И кто вдругъ сталъ изъ англomана
На стражѣ русскаго дурмана,
Плетей, доносовъ, кабаковъ?..
М. Н. Катковъ.

Но памъ всего не перечеть,
Что дѣлаетъ Каткову честь...
Итакъ, не тратя лишнихъ словъ,
Кричите всѣ: ура, Катковъ!..

¹⁾ Псевдонимъ А. И. Герцена.

«Истор. вѣстн.», декабрь 1912 г., т. сxxx.

М. Н. Каткова обыкновенно считают у нас творцом классицизма и изливают на него одно свое негодование.

Это не совсѣмъ такъ и потому несправедливо.

Катковъ участвовалъ въ разработкѣ общей системы введенія классицизма въ нашихъ гимназіяхъ, въ смыслѣ постановки древнихъ языковъ красугольнымъ камнемъ программы средней школы, какъ это издавна практикуется въ Англіи, не возбуждая собой неудовольствія. Однако самое примѣненіе системы и ея выполненіе всецѣло уже зависѣло отъ другихъ лицъ и главнымъ образомъ отъ графа Д. А. Толстого, сдѣлавшаго изъ классицизма, въ порывѣ излишняго рабскаго усердія, какое-то жестокое чудовище, паводящее, какъ очковая змѣя, паническій ужасъ и на воспитанниковъ, и на ихъ несчастныхъ родителей!

Повторяю, я глубоко увѣренъ, что если бы въ годину введенія классической системы въ Россіи министромъ народнаго просвѣщенія былъ не кто иной, какъ Катковъ, то пасаженіе въ нашей школѣ языковъ Греціи и Рима не вызвало бы никакихъ недоразумѣній. Доказательство налицо: въ созданномъ Катковымъ лицѣ классики проходились не только не въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ въ прочихъ нашихъ гимназіяхъ, а, наоборотъ, въ большемъ (въ VIII классѣ мы могли болѣе или менѣе свободно понимать любого древняго автора *à livre ouvert*, чего гимназисты никогда не достигали), и тѣмъ не менѣе въ лицѣ классицизмъ рѣшительно никогда не вызывалъ ровно никакихъ неудовольствій или оппозицій и въ это прекрасно поставленное учебное заведеніе родители очень охотно отдавали своихъ дѣтей, несмотря даже на очень высокую плату за ученіе.

Въ частной жизни М. Н. Катковъ былъ человѣкомъ большихъ личныхъ достоинствъ.

Прежде всего это былъ гуманный и заботливый хозяинъ своей типографіи. Вся редакція «Московскихъ Вѣдомостей» и наборщики его буквально боготворили. Это что-нибудь значить.

Въ своей семьѣ ¹⁾ М. Н. Катковъ былъ радушный и привѣтливый хозяинъ, хотя, конечно, больше сидѣвшій у себя въ кабинетѣ за статьями и корректурами. Воспитанники лица также его уважали и, будучи въ старшихъ классахъ, постоянно бывали у него въ домѣ на Страстномъ бульварѣ, который былъ, конечно, одинъ изъ ште-ресиѣйшихъ въ Москвѣ.

Послѣ смерти Каткова, въ 1883 г., редактированіе «Московскихъ Вѣдомостей» перешло сначала къ С. А. Петровскому, сотруднику

¹⁾ Мать М. Н. Каткова была грузинка (О. Тулаева), и жепать онъ былъ на грузинкѣ—княжкѣ С. П. Шаликовой, отецъ которой, князь П. И. Шаликовъ, издавалъ дамскій журналъ, вызывавшій очень злыя насмѣшки А. С. Пушкина.

названной газеты, а затѣмъ къ другому ея бывшему сотруднику— В. А. Грингмуту.

Послѣ Каткова «Московскія Вѣдомости», разумѣется, сразу же утратили свою прежнюю физіономію и все прежнее значеніе. Навсегда замолкъ въ нихъ горячій, рѣзкій и смѣлый голосъ его передовыхъ статей, доставлявшій нѣкогда ихъ автору такую массу тайныхъ и явныхъ враговъ, и замелькали скромныя передовицы на разныя благонамѣренныя темы, напоминавшія собою какія-то ученическія упражненія, а не газетныя статьи. При С. Петровскомъ изданіе велось все-таки весьма изрядно, но когда оно попало затѣмъ въ руки В. А. Грингмуту, то измѣнилось къ худшему до неузнаваемости.

С. А. Петровскій держалъ себя скромно и непритязательно, съ тактомъ и достоинствомъ; что же касается В. Грингмута, то, получивъ аренду «Московскихъ Вѣдомостей», онъ одновременно получилъ и «манію величія».

Будучи совершенно бездарнымъ сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и столь же неудачнымъ педагогомъ, В. Грингмутъ вдругъ задался мыслию сдѣлаться «вторымъ Катковымъ».

Изъ этой попытки, разумѣется, ровно ничего не вышло: могъ ли замѣнить безталантный человѣкъ, лишенный при этомъ всякаго литературнаго дарованія, умнаго и талантливаго публициста, хотя бы и ultra-консерватора, какимъ былъ Катковъ, статьи котораго вызывали нерѣдко одобреніе даже среди его политическихъ враговъ? Конечно, нѣтъ.

«Московскія Вѣдомости» при Грингмутѣ стали все больше и больше терять значеніе и приняли постепенно ту антипатичную окраску, которую теперь обыкновенно принято называть «черно-сотенной». Съ ними давно уже перестали считаться, и онѣ, перейдя послѣ Грингмута къ «раскаившемуся» бывшему революціонеру Льву Тихомирову, существуютъ, кажется, только по инерціи: ихъ все равно никто не читаетъ.

Въ «сферахъ» В. Грингмутъ никогда не имѣлъ никакого значенія. Однако бывший министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ предлагалъ ему, будто бы, какъ мнѣ лично рассказывалъ самъ Грингмутъ, постъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, освободившійся послѣ ухода Е. М. Феоктистова.

— Я категорически отъ этого отказался,—передавалъ мнѣ Грингмутъ:—обративъ вниманіе министра на то, что я человѣкъ извѣстной партіи и поэтому не могу быть руководителемъ печати, такъ какъ каждый мой шагъ будетъ вызывать нареканія и неудовольствія.

Министръ на это возразилъ, что правое направленіе не можетъ еще быть причиной исключительныхъ нареканій и что начальникъ печати вообще долженъ быть охранительнаго направленія и инымъ даже не можетъ быть.

— Я, однако, настаивалъ на своемъ,—разсказывалъ Грингмутъ:—заявивъ, что у меня своя особая роль въ печати и что моя партія исключительно патріотическая, а потому такой человѣкъ, какъ я, не можетъ быть чиновникомъ, но только—публицистомъ! Конечно, это предложеніе было сдѣлано, чтобы навсегда оторвать меня отъ «Московскихъ Вѣдомостей»: я это прекрасно понялъ! Но я не сдался.

Послѣ этого разговора начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати былъ назначенъ М. П. Соловьевъ.

Про Грингмута, державшаго себя съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ редакторомъ, очень важно и, дѣйствительно, кажется, серьезно воображавшаго, что онъ спасаетъ отъ чего-то или кого-то отечество и исполняетъ какую-то особую миссію, ходило въ Москвѣ немало разныхъ анекдотовъ и на него писали шуточные стихи. Его фамилію, напримѣръ, шути объясняли двумя нѣмецкими словами *gering* и *muth*, т.-е. «малохрабрый».

Вотъ одно изъ такихъ стихотвореній, относящееся къ болѣе позднему времени и наиболѣе удачное.

Грингмутъ, чухна или іудей
(Намъ съ нимъ не удалось знакомство),
Рѣшилъ Катковымъ стать, ей-ей,
Чтобы вѣрнѣй спасти потомство.
Онъ за статей каталъ статью,
Взоръ обращалъ горѣ и долу,
И самъ перстами десятью
Казнилъ измѣну и крамолу!
Онъ обливался, какъ водой,
Въ борьбѣ съ врагомъ обильнымъ потомъ—
И прихлебателей гурьбой
Былъ названъ «первымъ патріотомъ».
«Вѣдомостей Московскихъ» соль
Онъ разбавлялъ лимоннымъ сокомъ
И, плохо вызубривши роль,
Игралъ ее не впрямь, а бокомъ,—
Но, ахъ, мороча простаковъ
Въ своемъ органѣ пресловутомъ,
Онъ все жъ не сталъ второй Катковъ
И оставался лишь Грингмутомъ.

II.

Въ послѣднее время опять заговорили объ И. С. Тургеневѣ... Еще недавно были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» прекрасныя страницы, посвященныя А. Г. Олсуфьевой послѣднимъ днямъ Тургенева, который, будучи славой Россіи и творцомъ «Записокъ охотника», ставшихъ зарею освобожденія крестьянъ, медленно и мучительно умиралъ въ 1883 г., одинокій и всѣми брошенный, въ мансардѣ роскошнаго отеля своей французской возлюблен-

пой, всю жизнь псустанно эксплуатировавшей этого ручного «русского медвѣдя».

Всѣмъ, кто лично знавалъ Тургенева, всегда казалось до послѣдней степени страннымъ и совершенно необычнымъ, какъ онъ, такой нравственно-чистоплотный и въ жизни и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, создавшій чистѣйшій образъ Лизы «Дворянскаго гнѣзда» и никогда и нигдѣ не шокировавшій ни однимъ вульгарнымъ словомъ своихъ читателей, могъ всю свою долгую жизнь покорно мучиться унижительной ролью фаворита Полины Віардо и разыгрывать тріо подъ одной кровлей съ ея почтеннымъ супругомъ.

Это пикаптное «ménage à trois» до такой степени не вязалось съ понятіемъ о высокой порядочности Тургенева, что даже его многочисленные парижскіе друзья, которые ко всякимъ семейнымъ фокусамъ съ дѣтства привыкли и которымъ ничто не въ диковинку, искренно удивлялись этой непонятной и несчастной сторонѣ существованія Тургенева и отъ души его жалѣли.

Самая жизнь Тургенева у Віардо была какая-то удивительная: его все куда-то прятали и помѣщали чуть не на чердакѣ. Отчасти, впрочемъ, это происходило, можетъ быть, и не безъ воли самого Тургенева, которому всегда было нѣсколько стыдно той высокодвусмысленной роли, которую онъ сознательно игралъ въ семействѣ Віардо, и вотъ онъ какъ бы невольно прятался отъ постороннихъ глазъ.

Я сказалъ «высокодвусмысленной», такъ какъ, въ сущности, онъ никогда не былъ Антоніемъ, какъ и Віардо—Клеопатрой... Не забывайте, что она была испанкой съ еврейской кровью, для которой матеріальный расчетъ былъ превыше всякихъ иныхъ соображеній. Видя безграничную привязанность къ себѣ русскаго богача, Віардо сообразила всѣ выгоды ихъ «дружбы», позволяла себя любить и извлекала изъ своей жертвы пользу до самой смерти несчастнаго писателя. Иногда, конечно, она снисходила до игры въ стрѣлы Амура, но это, по мѣткому выраженію Д. В. Григоровича, бывало такъ же рѣдко и исключительно, какъ звѣзды и табакерки, которыми награждаютъ за вѣрную службу.

Объ отношеніяхъ Віардо къ Тургеневу, попавшему въ когти хитрой еврейки, всѣ въ Парижѣ прекрасно знали, и мой покойный отецъ, который не разъ бывалъ въ Парижѣ по дѣламъ, подробно мнѣ объ этомъ рассказывалъ именно такъ, какъ самъ слышалъ (въ семидесятыхъ годахъ) отъ парижскихъ знакомыхъ.

Совершенно невѣроятно, чтобы Тургеневъ не чувствовалъ всего этого самъ, не тяготился, не мучился этимъ униженіемъ, которое, какъ я сказалъ, ни для кого въ Парижѣ не было секретомъ, но тѣмъ не менѣе влачилъ свое жалкое существованіе въ пятомъ этажѣ дома Віардо (имъ же для нея и ея почтеннаго супруга купленнаго и ей подареннаго) на улицѣ Дѣнэ, а лѣтомъ въ Буживалѣ, на ея дачѣ,

въ покупкѣ которой онъ тоже участвовалъ (Villa les Trènes), гдѣ у него былъ свой особый крошечный домикъ, столь же бѣдно и неудобно меблированный, какъ и парижская мансарда.

Гдѣ же ключъ къ этой загадкѣ?

Его надо искать глужбе, чѣмъ бы казалось. Есть, конечно, люди до того слабовольные, что любая женщина, которая имъ понравится, можетъ, если пожелаетъ, привязать ихъ къ себѣ на всю жизнь и всецѣло овладѣть ихъ существомъ.

Въ данномъ случаѣ, однако, этого объясненія врядъ ли достаточно, чтобы понять ту роковую привязанность, которая держала умнаго, тонкаго и корректнаго Тургенева всю жизнь въ цѣпяхъ у Віардо, при невозможной и для каждаго унижительной обстановкѣ.

Я касался не разъ этой деликатной и любопытной темы въ откровенныхъ разговорахъ съ Я. П. Полонскимъ, котораго я хорошо зналъ и который съ юности былъ неразрывно друженъ съ Тургеневымъ и постоянно велъ съ нимъ интимную переписку.

Вотъ что я слыхалъ по этому поводу въ разное время отъ Полонскаго.

— Отношенія Тургенева къ Віардо были, дѣйствительно, исключительныя, и я самъ не разъ надъ ними задумывался... Я касался иногда этого вопроса и въ бесѣдахъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ, но рѣдко и съ величайшей осторожностью, чтобы какъ-нибудь невольно не уколоть его самолюбіе, и безъ того наболѣвшее. Иногда онъ просто отмалчивался, а иной разъ говорилъ, что всякій долженъ кого-нибудь разъ навсегда полюбить въ своей жизни и что онъ, еще будучи совсѣмъ молодымъ, привязался къ Віардо потому, что былъ глубоко несчастливъ въ своей семьѣ съ такой ужасной матерью-психопаткой, какова была пресловутая Варвара Петровна, и такимъ отцомъ, какъ Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, который буквально продалъ себя за долги богатой Варварѣ Петровнѣ, никогда не былъ ей вѣренъ и всю жизнь развратничалъ направо и налево... Вы знаете, конечно, что повѣсти «Первая любовь» и «Три портрета»—фотографіи съ Тургеневыхъ и Лутовиновыхъ. Однако бывало, что Тургеневъ признавался мнѣ, что Віардо имѣетъ надъ нимъ какое-то особое вліяніе, держа его у своихъ ногъ какими-то будто чарами, словно колдовствомъ, что онъ, когда ее видитъ, физически не можетъ не подчиниться ей, что это выше его силъ и что онъ находится въ ея присутствіи какъ бы подъ сильнѣйшимъ гипнозомъ... И это правда: стоило только Тургеневу уѣхать куда-нибудь изъ Парижа хоть не надолго,—въ Баденъ-Баденъ пить воды или къ себѣ, въ Спасское-Лутовиново, какъ этотъ «гипнозъ» постепенно исчезалъ и онъ говорилъ тогда о Віардо спокойно и даже критиковалъ ее! Но по возвращеніи въ Парижъ—все начиналось по-старому, и онъ опять попадалъ подъ гипнозъ... Какъ-то разъ онъ серьезно увѣрялъ меня, что Віардо колдунья, и говорилъ это до та-

кой степени убѣжденно, что я былъ пораженъ и сталъ возражать, смѣясь надъ суевѣріемъ Тургенева. «Ты напрасно смѣешься, Яковъ Петровичъ,—возразилъ онъ мнѣ:—колдуны всегда были и будутъ: у нихъ какая-то особая внутренняя сила надъ людьми, что бы тамъ ни говорилъ, и съ этимъ ничего не подѣлаешь». Въ другой разъ, когда я навѣщалъ его, больного, въ Парижѣ, Тургеневъ по уходѣ Віардо, которая долго съ нами сидѣла у его постели и была въ высшей степени мила и любезна, притянулъ меня къ себѣ за руку и прошепталъ мнѣ на ухо, какъ бы боясь звука своихъ собственныхъ словъ: «Ничему не вѣрь, что она говоритъ,—вѣдь это лэди Макбетъ!» Это меня страшно поразило, но больной, какъ бы недовольный тѣмъ, что вдругъ сорвалось съ его языка, рѣзко переѣхалъ разговоръ и сталъ давать мнѣ разные маленькія порученія на завтра...

— Въ свой послѣдній прїѣздъ въ Спасское, въ 1880 г., незадолго до смерти, когда я съ моей семьей гостилъ у него въ деревнѣ, вдругъ получилось изъ Парижа отъ Віардо письмо, что ее укусила какая-то злокачественная муха и что щека страшно вздулась и болить. Боже мой, какъ заволновался бѣдный Тургеневъ! Должно быть, таинственный гипнозъ продолжался и на разстояніи... Онъ хотѣлъ немедленно лѣтъ въ Буживаль, но, на счастье, пришло новое извѣстіе, что Віардо лучше, что опухоль не опасна и проходитъ,—и онъ остался...

— А скажите, Яковъ Петровичъ,—спросилъ я:—какое лично на васъ производила впечатлѣніе Віардо?

Полонскій довольно долго молчалъ, тихо шевеля полупотухшей сигарой въ зубахъ и задумчиво глядя на догоравшее пламя каминна, и наконецъ медленно произнесъ:

— На меня она тоже, надо признаться, дѣйствовала всегда какъ-то особенно. Я приходилъ къ Тургеневу возмущенный Віардо въ глубинѣ души (какъ и многіе русскіе) и всякій разъ хотѣлъ быть съ ней какъ можно холоднѣе и даже сказать ей что-нибудь колкое, язвительное, но, представьте себѣ: стоило ей только показаться и взглянуть на меня своими громадными черными глазами, какъ я дѣлался послушенъ, какъ ягненокъ, и никакія колкости не сходили съ языка. А когда она смѣялась чуднымъ заразительнымъ смѣхомъ, то и я принимался смѣяться и былъ съ ней не только не холоденъ, но, напротивъ, очень любезенъ...

— Значитъ, гипнозъ дѣйствовалъ и на другихъ?

— Очевидно... Не забывайте, что Віардо была натура исключительная. Не даромъ она была такъ горячо любима публикой, имѣла повсюду громадный успѣхъ и просто обожаема своими учениками и ученицами. Съ Тургеневымъ, при мнѣ, по крайней мѣрѣ, она обращалась, какъ съ добрымъ, старымъ другомъ и близкимъ роднымъ. Общеніе съ такой женщиной, передъ которой преклонялась толпа, что-нибудь да значить... Гепій покоряется.

И Полонскій сталъ раскуривать совсѣмъ потухшую сигару.

Про Полинну Віардо-Гарчіа мнѣ приходилось говорить также съ ея бывшими ученицами, моими соотечественницами. Одна изъ нихъ, г-жа М., особенно много рассказывала мнѣ про знаменитую пѣвицу, вспоминая о ней съ большою симпатіей. Она говорила, что у Віардо былъ, правда, довольно тяжелый характеръ отъ разстройства нервной системы, вслѣдствіе преподавательской дѣятельности, но что въ интимной обстановкѣ она была очаровательна и по натурѣ добра и отзывчива. Г-жа М. вспоминала, конечно, и про Тургенева, для котораго Віардо играла и пѣла русскіе романсы, переводимые Тургеневымъ по-французски. Въ ея домѣ бывали интересные вечера и домашніе маскарады, на которые собирались корифеи художественнаго и свѣтскаго Парижа. Тамъ разыгрывались веселыя шарады въ лицахъ, или какое-нибудь слово загадывалось и представлялось въ дѣйствіи и надо было его отгадать. Г-жа М. хорошо помнила, какъ однажды долго не могли разгадать простого слова *oxigène* (кислородъ), которое изображали трое: г-нъ Віардо, Э. Ренанъ и Тургеневъ. Г-нъ Віардо долженъ былъ при разговорѣ съ нимъ ловко вставлять слогъ *ос* (т.-е. «да» въ нарѣчій *langue d'ос*), Э. Ренанъ—*сі* (но отнюдь не сказать *ои*), а Тургеневъ ходилъ, прихрамывая, по залѣ, охая и крихтя, молча, комическимъ жестомъ указывая на больную ногу, потомъ усѣлся на диванъ и, при общемъ веселомъ смѣхѣ, сталъ стягивать съ себя сапогъ, такъ какъ онъ стѣсняетъ больную ногу (*gène*).

Съ И. С. Тургеневымъ я лично встрѣчался у Полонскихъ во время его пріѣздовъ изъ Франціи въ Петербургъ, потомъ видѣлъ его раза два на литературныхъ вечерахъ и, наконецъ, въ Москвѣ, кажется, въ 1880 году на очень торжественномъ утреннемъ публичномъ засѣданіи общества любителей руссійской словесности (или, какъ говорили обыкновенно въ Москвѣ, «губителей руссійской словесности»). Засѣданіе было особенно многолюдно, такъ какъ всѣ знали, что будетъ Тургеневъ, и въ актовый залъ московскаго университета, гдѣ всегда происходили эти засѣданія, ломилась вся Москва. На эстрадѣ засѣдали «губители»,—между прочимъ С. А. Юрьевъ съ необычайно эффектной сѣдой головой, профессоръ Стороженко, П. А. Безсоповъ, А. О. Писемскій и пр. Настроеніе было нѣсколько приподнятое: ждали съ нетерпѣніемъ Тургенева и не открывали засѣданія. Наконецъ на порогъ зала показалась его колоссальная фигура ярко-славянскаго типа, съ красивой головой, обрамленной бѣлой густой шевелюрой, и мощными плечами. Ему сразу зааплодировали, но тутъ совершенно неожиданно произошелъ инцидентъ, въ конецъ испортившій прекрасное настроеніе толпы: какой-то студентъ (какъ оказалось потомъ, юристъ четвертаго курса Викторъ) вдругъ сталъ читать съ хоръ, переполненныхъ студентами и вообще учащейся молодежью, рѣчь, обращенную къ Тургеневу, въ

которой довольно сердито журилъ знаменитаго писателя за его будто бы не совсѣмъ ясное пониманіе «русской молодежи», выразившееся въ его романахъ «Отцы и дѣти» и «Новь». Этотъ безтактный пассажъ былъ для всѣхъ сюрпризомъ... Тургеневъ, хотѣвшій было уже сѣсть на приготовленное ему мѣсто въ первомъ ряду, въ смущеніи остановился и выслушалъ неожиданную на себя критику стоя. Члены совѣта «общества словесности», которые тоже хотѣли привѣтствовать дорогого гостя словомъ, поневолѣ принуждены были молчать и тоже слушать критическія упражненія Викторова. Университетское начальство немедленно распорядилось послать на хоры и задержать фонтанъ краснорѣчія словоохотливаго студента. Кажется, это воздѣйствовало, и ораторъ замолкъ. Тургеневъ, попрежнему смущенный, раскланялся по направленію говорившаго, устремивъ глаза на университетскіе хоры, и усѣлся на свое кресло. Засѣданіе наконецъ началось, но настроеніе присутствующихъ было, какъ я сказалъ, уже испорчено. Тургенева, оказалось, встрѣтили не привѣтственнымъ словомъ, а безтактной выходкой зеленого студента.

Про Тургенева часто говорили, что онъ себя держалъ, будто бы, «литературнымъ генераломъ». Это неправда. Конечно, будучи рожденнымъ бариномъ-аристократомъ, онъ не былъ похожъ на литературную богему, къ которой принадлежали и принадлежать многіе представители нашей «пишущей братіи», и отсюда эти разговоры о его «генеральствѣ». Тургеневъ, напротивъ, держалъ себя со всѣми и всегда очень просто и привѣтливо, будучи прекрасно воспитаннымъ и по натурѣ чрезвычайно добрымъ и отзывчивымъ человекомъ, и въ немъ никогда не замѣчалось ни чванливости, ни напыщенности. Между прочимъ Ф. М. Достоевскій, не любившій Тургенева, въ виду большого несходства ихъ талантовъ и характеровъ, желалъ вышутить его въ лицѣ писателя Кармазинова въ романѣ «Бѣсы», но эту злую попытку никакъ нельзя назвать удачной, — Кармазиновъ ничѣмъ не напоминаетъ Тургенева: это какой-то моветонъ, а не баринъ, какимъ Тургеневъ прежде всего былъ.

Въ домѣ Полонскихъ И. С. Тургеневъ чувствовалъ себя, конечно, наиболѣе по себѣ. Кто изъ петербуржцевъ не помнитъ этихъ знаменитыхъ «пятницъ» Я. П. Полонскаго, гдѣ можно было встрѣтить литературно-художественныя сливки? Здѣсь всегда велись непринужденныя и интересныя бесѣды, и люди, часто весьма различныхъ направленій, мирно обмѣнивались здѣсь мыслями, въ той прелестной атмосферѣ культурной незлобивости и терпимости къ чужимъ убѣжденіямъ, которую удалось создать у себя въ домѣ нашему симпатичнѣйшему изъ поэтовъ послѣдняго времени.

Между прочимъ постояннымъ гостемъ на упомянутыхъ «пятницахъ» былъ нѣкто Владиміръ Дмитріевичъ Аленицынъ, нынѣ уже умершій, близкій знакомый Полонскихъ, служившій въ статисти-

ческомъ комитетѣ, очень образованный и ученый (магистръ зоологiи) и симпатичный человѣкъ, но отличавшійся вмѣстѣ съ тѣмъ и необычайными странностями. Такъ, увидѣвши всего одинъ разъ въ жизни извѣстную въ свое время весьма талантливую петербургскую актрису Кадмину, Аленицынъ вдругъ въ нее безумно влюбился или, вѣрнѣе, представилъ себѣ, что онъ въ нее влюбленъ. Не перемолвившись съ ней ни единымъ словомъ, да и не ища, кажется, свиданья со своимъ кумиромъ, Аленицынъ безъ устали писалъ и посвящалъ избранницѣ своего сердца всевозможныя стихотворенія и написалъ даже цѣлую пьесу подъ названіемъ «Актрисы», въ которой героиней является, конечно, Кадмина. Съ этой пьесой онъ ходилъ по знакомымъ и читалъ свое произведеніе, которое было весьма слабымъ. Мало того, не будучи вовсе музыкантомъ и не имѣя ни малѣйшаго понятія о композиціи, поклонникъ Кадминой посвящалъ ей романсы и печаталъ ихъ на веленовой бумагѣ съ изображеніемъ актрисы на заглавномъ листѣ. Можете представить, что это была за музыка! Послѣ внезапной смерти Кадминой, окончившей жизнь самоубійствомъ, Аленицынъ долгое время былъ въ глубокой меланхоліи и повѣсилъ предъ своимъ письменнымъ столомъ громадный фотографическій портретъ актрисы въ черной бархатной рамѣ. Этотъ портретъ долго висѣлъ въ его кабинетѣ и былъ имъ снятъ только тогда, когда своеобразный поклонникъ Кадминой наконецъ женился и забылъ о своемъ горѣ.

Объ этой удивительной исторіи Тургеневъ слышалъ отъ Полонскихъ, у которыхъ встрѣчался и съ В. Д. Аленицынымъ, и она послужила сюжетомъ его повѣсти «Клара Милнчъ».

III.

У Я. П. Полонскаго я видѣлъ и Ѳ. М. Достоевскаго. Это былъ человѣкъ, который могъ мгновенно, отъ одного не понравившагося ему слова своего собесѣдника, вдругъ сразу закипятиться и наговорить ему кучу непріятныхъ вещей. Въ немъ сказывался вездѣ и во всемъ его врожденный недугъ (эпилепсія), наложившій на всѣ его произведенія большой художественный недочетъ и особый отпечатокъ болѣзненности, дѣлающей ихъ интересными, главнымъ образомъ, съ психопатологической точки зрѣнія. Въ послѣдніе годы жизни Достоевскій, какъ и графъ Л. Н. Толстой, сталъ впадать въ «проповѣдническій» тонъ. Это особенно рѣзко сказалось на Пушкинскомъ юбилеѣ въ Москвѣ, гдѣ Достоевскій произнесъ вдохновенную рѣчь, посвященную великому поэту, и прочелъ его стихотвореніе «Пророкъ» такъ, какъ никто никогда его не читалъ и не прочитаетъ. Я былъ на этомъ историческомъ юбилеѣ, и до сихъ поръ не могу забыть ни этихъ удивительныхъ глазъ, загадочно устремленныхъ куда-то внѣ міра, ни этого то полушепота, то звенящаго

призыва послѣднихъ строкъ, полнаго заразительной экзальтаціи! Громадный залъ Дворянскаго собранія былъ снизу доверху переполненъ тысячной толпой, которая переживала вмѣстѣ съ Достоевскимъ всѣ тѣ мучительныя и вмѣстѣ сладкія минуты вдохновенія, которыя онъ самъ тогда въ глубинѣ души испытывалъ, становясь какъ бы дѣйствительно пророкомъ, ведущимъ толпу къ высочайшему подъему духа и жегшимъ сердца людей. Тутъ же въ залѣ со многими дѣлалось дурно, нѣсколько дамъ впади въ глубокій обморокъ, съ однимъ юношей, на моихъ глазахъ, сдѣлался припадокъ падучей... Такъ была потрясена толпа, наградившая писателя безконечно бурными рукоплесканіями.

Какъ жаль, что въ этотъ счастливѣйшій для Достоевскаго день съ нимъ не была въ Москвѣ его вдова, нынѣ здравствующая А. Г. Достоевская, вѣрный другъ и неустанная помощница своего знаменитаго мужа, бывшая его гениемъ-хранителемъ до самыхъ послѣднихъ минутъ его тяжелой и омраченной страданіями жизни.

Въ домѣ графини С. А. Толстой, вдовы графа Алексѣя Константиновича Толстого, О. М. Достоевскій былъ также всегда желаннымъ гостемъ. Онъ издавалъ тогда свой «Дневникъ писателя», имѣвшій успѣхъ, и сталъ принимать тотъ проповѣдническій тонъ, которымъ кончали многіе наши писатели, впадая въ какой-то особый славянскій мистицизмъ. Въ аристократическомъ салонѣ графини, въ которомъ собирався цвѣтъ столичнаго общества и который удостоивали своимъ посѣщеніемъ августѣйшія особы, Достоевскій горячо развивалъ свою излюбленную теорію о «всечеловѣчествѣ» Пушкина (которой онъ такъ увлекъ присутствовавшихъ на Пушкинскомъ юбилеѣ) и міровой роли Россіи.

Эта фантастическая и самолюбивая теорія никогда не исчезала у насъ въ Россіи, старательно поддерживаемая московскими славянофилами, которые устами А. С. Хомякова и И. С. Аксакова увѣряли, что Россія велика своимъ «смиреніемъ», бѣдностью, темнотой, т. е. именно всѣми тѣми врядъ ли цѣнными качествами, которыя всегда такъ рѣзко отличали ее отъ культуры Западной Европы и держали въ отсталости и оскудѣніи.

Отчасти къ піонерамъ этой же самой тормозящей русскую жизнь «славянской идеи», по существу приносившей намъ всегда одинъ только вредъ и ослабѣвшей лишь недавно, съ введеніемъ у насъ новаго строя, сблизившаго Россіи въ Западомъ, принадлежалъ и Вл. Серг. Соловьевъ.

Хотя Вл. Соловьевъ постоянно полемизировалъ съ славянофильскими идеями Н. Н. Страхова, носившагося съ пресловутой книгой Н. Я. Данилевскаго «Россія и Европа», противопоставляя имъ западную цивилизацію, но тоже проповѣдывалъ о какомъ-то особомъ въ исторіи назначеніи Россіи. Онъ говорилъ, что Россія когда-то скажетъ міру какое-то особое слово. Когда къ Соловьеву

приступали съ разспросами, что же это за «слово», онъ не открывалъ этой тайны и переводилъ разговоръ на другія темы.

Самое увлеченіе его католичествомъ, о которомъ такъ много говорили, называя его почему-то даже «Соловьевъ-католикъ», посило совсѣмъ не тотъ характеръ, который ему придавали. Я никогда не слышалъ изъ устъ Вл. Соловьева особыхъ восторговъ по адресу католичества; хотя, конечно, онъ не могъ, какъ и всякій образованный человѣкъ, отрицать благотворное значеніе католичества для западной цивилизаціи, но онъ ставилъ задачей своей жизни вовсе не обращеніе Россіи на путь католицизма, какъ опять-таки, по недоразумѣнію (столь свойственному нашему обществу), многіе предполагали, а, наоборотъ, соединеніе католической церкви съ нашей путемъ разныхъ компромиссовъ съ обѣихъ сторонъ въ сферѣ папскаго цезаризма. Этой симпатичной идеей онъ былъ, дѣйствительно, поглощенъ, но никакого преклоненія предъ католичествомъ и, еще того менѣе, іезуитизмомъ въ Вл. Соловьевѣ никогда не было.

Появившееся не такъ давно въ газетахъ сообщеніе русскаго католическаго священника Толстого о томъ, что Соловьевъ причащался у него на квартирѣ, въ Москвѣ, по католическому обряду, было для всѣхъ, хорошо знавшихъ Соловьева, большимъ сюрпризомъ, такъ какъ никто никогда объ этомъ случаѣ при жизни Соловьева не зналъ и не слышалъ ни отъ самого Соловьева, ни отъ его друзей и близкихъ знакомыхъ. Товарищъ Соловьева по университету московскій профессоръ Левъ Лопатинъ печатно заявилъ, что никогда сообщеннаго инцидента не слышалъ. Допустимъ, однако, что Вл. Соловьевъ дѣйствительно причастился когда-нибудь по католическому обряду, т. е. принялъ изъ святой чаши облатку при чтеніи соответствующей молитвы, но это еще очень далеко до «перехода» Вл. Соловьева въ католичество, какъ заговорили въ обществѣ послѣ упомянутаго сообщенія патера Толстого: переходъ въ другое исповѣданіе совершается совсѣмъ иными путями и при иной обстановкѣ.

Личность нашего русскаго философа, ставшаго въ двадцать одинъ годъ профессоромъ и написавшаго замѣченную всѣмъ ученымъ міромъ книгу «Кризисъ западной философіи», была въ высокой степени оригинальная, но совершенно неуравновѣшенная и до такой степени болѣзненно-нервная, особенно въ послѣдніе годы жизни, что о Соловьевѣ нельзя судить, какъ о нормальномъ субъектѣ.

Его увлеченіе спиритизмомъ и поѣздка, въ молодые годы, на Востокъ, вслѣдъ за какой-то «розовой тѣнью», которая его туда манила, чего стоитъ! А его наивная вѣра въ «чертей», каковыя его всюду сопровождали, о чемъ нашъ ученый радѣтель о соединеніи церковей Россіи и Запада ничуть не стѣснялся печатать на страницахъ толстыхъ журналовъ, что совершенно недопустимо у здороваго человѣка, а его психопатическая лекція объ антихристѣ,

о которомъ онъ также, безъ малѣйшаго колебанія, толковалъ, какъ о реальномъ существѣ,—развѣ все это не мѣшаетъ судить о Соловьевѣ серьезно и говорить о немъ безъ многочисленныхъ оговорокъ?

Я былъ знакомъ съ Вл. Соловьевымъ много лѣтъ и всегда искренно удивлялся изумительной измѣнчивости его натуры: то онъ подчинялъ себя аскетическимъ подвигамъ, сидѣлъ на строгой діетѣ, то усердно пилъ мозельвейнъ, такъ какъ въ немъ, будто, много фосфора, а это полезно отъ анеміи мозга, которой Соловьевъ, по его собственному признанію, постоянно страдалъ, то отрицалъ женщинъ и женскій вопросъ, то, казалось, былъ не прочь ими увлекаться, то виталъ въ высочайшей мистикѣ, то рассказывалъ довольно скромные анекдоты... Въ личныхъ сношеніяхъ съ людьми это былъ довольно пріятный и обязательный человѣкъ, но, въ сущности, въ немъ было немного внутренней теплоты и сердечной привязчивости, что видно и изъ недавно изданныхъ въ свѣтъ его писемъ.

Я помню слѣдующій любопытный случай, который произошелъ на моихъ глазахъ съ Вл. Соловьевымъ въ 1890 или 1891 году.

Въ этотъ годъ по Петербургу ходила по рукамъ, для собиранія подписей, петиція на имя государя о предоставленіи евреямъ въ Россіи тѣхъ же гражданскихъ правъ, которыми пользуются коренные русскіе люди.

Происходя самъ, по матери, изъ еврейскаго племени, Вл. Соловьевъ очень сочувствовалъ этому вопросу, принималъ въ немъ живѣйшее участіе и чрезъ своихъ высокопоставленныхъ знакомыхъ всячески старался провести петицію въ благопріятномъ смыслѣ.

Разъ какъ-то я зашелъ навѣстить Соловьева въ «Европейскую гостиницу», гдѣ онъ подолгу жила въ пріѣзды свои въ Петербургъ изъ Москвы или Финляндіи и засталъ его въ большомъ волненіи: на дняхъ должна была рѣшиться участь еврейской петиціи.

Мы едва перемолвились нѣсколькими фразами, какъ въ дверь постучались: вошелъ слуга-пѣмецъ и, сообщая, что отецъ Іоаннъ Кронштадтскій только что вошелъ въ одинъ изъ номеровъ нашего коридора, любезно предложилъ намъ выйти и воспользоваться этимъ удачнымъ моментомъ, чтобы получить его благословеніе.

Мы сейчасъ же вышли и, вмѣстѣ съ другими жильцами коридора, стали дожидаться у дверей одной изъ комнатъ.

Черезъ нѣкоторое время дверь открылась, и на порогѣ появился отецъ Іоаннъ, сопровождаемый прощавшейся съ нимъ четой, по видимому, мужемъ и женою.

Мы оба лично знали отца Іоанна, и онъ, издали насъ завидя, направился къ намъ съ ласковой улыбкой.

Мы подошли подъ его благословеніе.

— Ну, что же, Владимиръ Сергѣевичъ, какъ ты теперь поживаешь?—спросилъ онъ привѣтливо у нашего философа,

Соловьевъ какъ будто нѣсколько смутился и вдругъ, какъ бы побѣждая въ себѣ нѣкоторое колебаніе, сказалъ отцу Іоанну:

— Мнѣ бы очень хотѣлось, батюшка, узнать ваше мнѣніе по одному дѣлу, которое теперь всего меня занимаетъ.

— Что же это за дѣло?—полюбопытствовалъ отецъ Іоаннъ и отошелъ съ нами немного въ сторону.

— Это дѣло великой важности и касается очень, очень многихъ,—я не могу сказать пока больше, но вы, отче, вы въ силахъ сказать мнѣ, удастся ли оно?

Отецъ Іоаннъ молча воззрися на Соловьева, который почему-то еще болѣе смутился, подъ вліяніемъ ли этого взгляда, или, можетъ быть, въ виду присутствія постороннихъ, хотя ихъ, впрочемъ, было немного.

— Нѣтъ, мой другъ, ничего изъ твоей затѣи не выйдетъ!—рѣшительно произнесъ отецъ Іоаннъ.—Ты напрасно началъ свою затѣю—все это построено на пескѣ и никому отъ нея никакой пользы не жди... А затѣмъ да благословить тебя Господь въ путяхъ твоихъ!

И отецъ Іоаннъ торопливо, какъ всегда, перешелъ къ другимъ ожидавшимъ возлѣ насъ его слова и благословенія.

Изъ еврейской петиціи, дѣйствительно, ничего не вышло, что и обнаружилось черезъ день или два послѣ этой интересной встрѣчи. Государь Александръ III былъ крайне недоволенъ вмѣшательствомъ въ нее Вл. С. Соловьева, которому симпатизировалъ лично и въ память его знаменитаго отца-историка, и, только благодаря этому обстоятельству, Соловьева не постигла никакая кара. Его пригласилъ только къ себѣ тогдашній градоначальникъ П. А. Грессеръ и передалъ, по распоряженію свыше, что въ случаѣ повторенія чего-либо подобнаго его, Соловьева, удалять изъ Петербурга на болѣе или менѣе продолжительное время.

По этому поводу одинъ свѣтскій остроумецъ написалъ шуточные стихи, которые назывались «Сладостное свиданіе» и начинались такъ:

Ахъ, былъ въ этотъ день цвѣтъ небесъ сѣръ,
Когда вызывалъ его Грессеръ!..

На «пятницахъ» Полонскаго я встрѣчался съ А. Г. Рубинштейномъ.

Между прочимъ, баронъ Б. А. Фитингофъ, выдающійся композиторъ-диллетантъ, ученикъ знаменитаго Гензельта, обвинялъ А. Г. Рубинштейна въ томъ, что онъ воспользовался написанной имъ партитурой «Демона», которую баронъ отдалъ лишь на просмотръ А. Г., и поставилъ оперу на сцену подъ своимъ именемъ, выдавъ ее за свое собственное произведеніе.

Многіе говорили тогда, что это фантазія барона Фитингофа, отличававшегося, дѣйствительно, склонностью, безъ малѣйшей злой

воли или каких-нибудь расчетов, къ преувеличеніямъ, но въ данномъ случаѣ баронъ былъ безусловно правъ, и я самъ слышалъ, какъ на одномъ свѣтскомъ благотворительномъ концертѣ, въ курительной комнатѣ, Антонъ Григорьевичъ говорилъ одному музыкальному критику слѣдующее. Я уже засталъ конецъ разговора.

— Конечно, я не стану отрицать, что основа «Демона» написана Фитингофомъ, но мнѣ пришлось надъ ней очень посидѣть, такъ какъ были длинноты, хромали хоры, нагроможденіе неразрѣшенныхъ мелодій задерживало одна другую, словомъ, разные были недочеты... Такъ что «Демонъ» столько же мой, сколько и Фитингофа... Къ тому же, давая оперу мнѣ, онъ по-дружески просилъ отшлифовать ее и поставить на сцену, такъ какъ не хотѣлъ съ ней больше возиться и не надѣялся на ея постановку. Я вовсе не похитилъ у барона «Демона» и онъ напрасно меня обвиняетъ, но я такъ много вложилъ въ него своего, что никакъ не могу допустить, что это опера Фитингофа. Я никогда въ жизни не занимался плагиатомъ и никто не можетъ поставить мнѣ этого въ упрекъ!

Князей Шаховскихъ, Льва, Сергѣя и Николая Владимировичей, я знавалъ издавна, встрѣчая двухъ первыхъ еще студентами въ бывшей мнѣ близкой семьѣ князей Кутушевыхъ, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ.

Тогда и Левъ и Сергѣй Шаховскіе весьма либеральничали, а младшій, князь Николай Владимировичъ, копчалъ гимназію и усердно сотрудничалъ въ клерикальных «Современныхъ Извѣстіяхъ» у популярнаго тогда въ Москвѣ Никиты Петровича Гилярова-Платонова.

Затѣмъ Левъ Владимировичъ сильно поправѣлъ, сошелся съ Катковыми, женился, по страстной любви, на Варварѣ Михайловнѣ Катковой, старшей дочери М. Н. Каткова, служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, психически хворалъ и умеръ сравнительно не старымъ человекомъ.

Князя Сергѣя я зналъ гораздо ближе. Это былъ талантливый и прямодушный, добрый и мягкій человекъ, но, къ величайшему сожалѣнію, слабый и неустойчивый, какъ большинство русскихъ людей. Будучи черниговскимъ губернаторомъ, онъ отличался свободомысліемъ, но, переведенный на тотъ же постъ въ Ревель, значительно измѣнился и возмнилъ себя «обрусителемъ» балтійскихъ окраинъ и насадителемъ тамъ несуществующей русской «культуры». Въ этомъ ultra-русофильствѣ усердно помогала ему его супруга, лѣтъ на пятнадцать старше мужа, Елизавета Дмитриевна, дочь графа Д. А. Милютинъ, необычайное благочестіе и «патріотизмъ» которой получили себѣ достойную оцѣнку.

Съ княземъ С. Шаховскимъ въ Ревелѣ то и дѣло происходили всевозможные курьезы на почвѣ «борьбы» съ мѣстными баронами и пасторами.

Такъ, князь, будучи недоволенъ, что, прїѣхавъ неожиданно съ визитомъ къ предводителю дворянства барону Э. А. Майделю, былъ встрѣченъ имъ въ домашней тужуркѣ, не замѣненной по недосугу болѣе торжественной одеждой, принялъ, въ свою очередь, предводителя, прїѣхавшаго съ отвѣтнымъ визитомъ, чуть ли не въ халатѣ. Вице-губернаторъ А. П. Василевскій велъ ту же «липію», и его жена, напримѣръ, дѣлая визиты, послала съ лакеемъ свою визитную карточку предводительшѣ, подѣхавъ къ ея дому въ каретѣ, когда отлично знала, что баронесса Майдель дома и принимаетъ.

Можете представить, какія отношенія существовали при такихъ «пассажахъ», совсѣмъ лишннихъ и никѣмъ не требуемыхъ изъ Петербурга, между Шаховскимъ и мѣстнымъ нѣмецкимъ обществомъ.

Система «обрусенія» князя заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы дѣлать «нѣмцамъ» всякія непрїятности, какъ будто отъ этого могло хоть на шагъ выиграть русское дѣло въ краѣ, которое постоянно хромало и хромаетъ на окраинахъ именно вслѣдствіе подобныхъ «обрусителей».

Такъ, въ Ревелѣ, на Вышгородѣ, среди старинныхъ историческихъ кироковъ былъ, благодаря настоятельнымъ хлопотамъ Шаховскихъ въ Петербургѣ, совершенно безъ всякой видимой надобности, возведенъ еще одинъ лишній православный храмъ, совершенно загородившій собою и безъ того крошечную площадку, на которую его втиснули. До того въ Ревелѣ было немало русскихъ церквей, и нужды въ новой не ощущалось, но это было пужно, чтобы сдѣлать «на зло нѣмцамъ».

При жизни Шаховской не увидѣлъ окончанья этой постройки: онъ скоропостижно скончался отъ болѣзни сердца, о наличности которой, кажется, самъ никогда не подозрѣвалъ.

Однако, при нѣкоторыхъ своихъ отрицательныхъ качествахъ администратора, занимавшагося исключительно раздраженіемъ ввѣреннаго ему района, князь Сергѣй Шаховской былъ добрый русскій баринъ, талантливый, неглупый и любознательный человекъ. Мѣстное русское общество ему симпатизировало, а нѣмецкое, признавая въ немъ все-таки корректнаго человека, принимало всѣ вышеприведенныя и другія подобныя его выходки за «политику».

Самымъ неудачнымъ изъ трехъ братьевъ былъ послѣдній—князь Николай Шаховской. Я бы совсѣмъ не сталъ говорить о немъ (такъ какъ онъ рѣшительно ничѣмъ, кромѣ удивительнаго двуличія, не замѣчателенъ), если бы онъ не былъ нѣкоторое время начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

Нельзя не удивляться невольно, какъ такой во всѣхъ отношеніяхъ незначительный человекъ могъ сдѣлаться вдругъ вершителемъ судебъ русской прессы, но тогда придется еще больше изу-

миться, какимъ образомъ могъ попасть въ министры внутреннихъ дѣлъ назначившій его Д. С. Сипягинъ?

Появленіе князя Н. В. Шаховского во главѣ цензурнаго вѣдомства производило особенно отрицательное впечатлѣніе еще и потому, что онъ занялъ непосредственно кресло Михаила Петровича Соловьева, человѣка, можетъ быть, и не совсѣмъ иногда пріятнаго своимъ тяжелымъ характеромъ, но самобытнаго, европейски-образованнаго, умнаго и одареннаго большимъ художественнымъ талантомъ.

Если М. П. Соловьевъ собирался дѣлать то, чего ему совсѣмъ не слѣдовало,—самому «руководить» всей печатью въ Россіи и быть какъ бы «редакторомъ всѣхъ нашихъ изданій», то князь Николай Шаховской не задавался никакими планами и былъ въ полномъ восторгѣ, что, при помощи К. П. Побѣдоносцева, къ которому постоянно забѣгалъ со всѣхъ крылецъ, сѣлъ на хорошій «окладъ». Онъ жилъ въ свое удовольствіе, разъѣзжалъ по всѣмъ театрамъ и одоужалъ казенными цензурскими креслами своихъ знакомыхъ, на службу являлся поздно и безцеремонно задерживалъ приходившихъ къ полудню чиновниковъ до восьмого часа, ведя въ своемъ кабинетѣ безконечныя бесѣды виѣ служебнаго характера со своими пріятелями, въ числѣ которыхъ былъ первѣйшимъ нынѣ уже умершій драматическій цензоръ С. С. Трубочевъ, игравшій при немъ роль «докладчика» (при чемъ онъ не только клалъ, но и носилъ). Въ сношеніяхъ съ цензорами князь былъ крайне безтактенъ, требуя къ себѣ ихъ донесенія комитету и дѣлая на поляхъ ихъ рапортовъ разныя насмѣшливыя замѣчанія по ихъ адресу, совершенно нетерпимыя въ служебной практикѣ. Многіе изъ обиженныхъ цензоровъ хотѣли было жаловаться на это министру, но отдумали, когда сообразили, кто былъ у насъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ и чего можно было отъ него ожидать.

Когда вы входили въ кабинетъ къ начальнику печати и видѣли предъ собой его низенькую фигурку съ толстымъ брюшкомъ, по которому онъ часто похлопывалъ, жалуюсь на ожирѣніе, на его красноватую безусую фizioномію съ бороденкой голландскаго шкипера, рыжей шевелюрой и необычайно развязными манерами, то предъ вами певольно вставалъ образъ скорѣе какого-то провинціальнаго буржуа, чѣмъ петербургскаго сановника. На своихъ красивыхъ, изящныхъ братьевъ князь Н. Шаховской былъ всего менѣе похожъ, ни лицомъ, ни манерами, ни характеромъ, такъ что, видя его вмѣстѣ съ ними, вы ни за что не приняли бы его за ихъ брата.

Его скандальная отставка была результатомъ его халатности въ отношеніи своихъ обязанностей. Оправдываясь въ пропускѣ извѣстнаго фельетона Амфитеатрова въ «Россіи», Н. Шаховской утверждалъ, что этотъ фельетонъ былъ такъ написанъ, что нельзя было сразу догадаться, о комъ шла рѣчь. Совсѣмъ наоборотъ—фельетонъ по

наглости тона и грубой прозрачности намековъ былъ именно таковъ, что на него нельзя было не обратить вниманія,—но его, конечно, никто не читалъ, а между тѣмъ за всеѣми петербургскими изданіями наблюдать самъ князь Шаховской.

Князь Н. Шаховской умеръ трагически и такъ же неожиданно и скоропостижно, какъ и его братъ Сергѣй. Князь погубъ во время взрыва на Аптекарскомъ островѣ, у П. А. Столыпина. Онъ получилъ сильныя ушибы и кажется, трещину въ черепѣ. Его привезли домой и стали лечить. Появилось сначала нѣкоторое улучшеніе, и жаръ спалъ, но вскорѣ болѣзнь повернула къ худшему, и его не стало.

Время князя Н. Шаховского въ цензурномъ вѣдомствѣ было, безспорно, самымъ глухимъ временемъ, какимъ вообще было и все министерство Свиягина, который, еще будучи курляндскимъ губернаторомъ, удивлялъ своей фанатической «правостыю» даже тогдашнихъ чиновъ департамента полиціи и корпуса жандармовъ...

IV.

Съ А. Н. Майковымъ я встрѣчался многіе годы подъ рядъ, по понедѣльникамъ, зимой, въ существовавшемъ въ 1888—1900 гг. въ Петербургѣ «русскомъ литературномъ обществѣ», которое [сосредоточивало въ себѣ въ то время все наши лучшія писательскія силы.

Майковъ былъ тамъ всегда первымъ изъ корифеевъ, пользовавшимся всеобщимъ уваженіемъ. Когда какой-нибудь начинающій молодой литераторъ скромно являлся въ «литературное общество», чтобы прочесть тамъ предъ «столпами» литературы свое только что выношенное имъ дѣтище, то онъ съ тревогой взиралъ на Майкова и ему подобныхъ «олимпійцевъ» или устремлялъ свой взоръ на «критиковъ» (чего стоилъ одинъ Н. Н. Страховъ!).

Майковъ былъ вообще съ виду весьма снисходительнымъ судьей въ такихъ случаяхъ и охотно говорилъ поощренія и любезности, но въ то же время это былъ человѣкъ всего менѣе сердечный, какимъ былъ, наоборотъ, А. Н. Плещеевъ или Я. П. Полонскій.

Если вы внимательно перечтете все поэтическія произведенія Майкова, крупныя и мелкія, поэмы и стихотворенія, то найдете въ нихъ, конечно, крупныя литературныя и высокохудожественныя достоинства, много ума, тонкости и своеобразной оригинальности мысли, много «аттической соли» и глубокаго изученія античнаго міра, которымъ всю жизнь особенно прилежно интересовался Майковъ,—но вамъ не посчастливится найти въ этомъ обширномъ и прекрасномъ матеріалѣ ни одного стихотворенія, которое хотя бы сколько-нибудь затронуло внутреннія струны вашей души. Даже стихи, посвященные дѣтямъ, которые носятъ названіе «В и А», т. е.

Владимиру и Аполлону (такъ лично мнѣ объяснилъ авторъ эти пинцѣалы), и тѣмъ посятъ чисто разсудочный колоритъ.

Подобно поэтамъ отдаленной отъ насъ классической эпохи, изъ области которой Майковъ оставилъ намъ такіе дивные образцы, какъ «Два міра», поэтъ всегда и вездѣ работалъ чисто разсудочно и холодно и отдѣлывалъ свои произведенія подчасъ съ добросовѣстѣйшей прилежностью ювелира, но... не щите у него внутренняго огня и того подъема духа которые могутъ однимъ какимъ-нибудь, какъ бы незначащимъ, простымъ стихотвореніемъ навѣять на васъ мысли и образы, которымъ почти иногда не найдешь опредѣленія, по которымъ навсегда живутъ въ вашей душѣ и звучатъ въ ней никогда не забываемыми аккордами.

Прибавьте къ этому отчужденную, ничѣмъ непотребишную, самую прописную благонамѣренность мотивовъ, а также цѣломудріе сюжетовъ и тотъ специфическій «патріотизмъ», который дѣлалъ изъ Майкова высокочтимого «лауреата», своего рода русскаго Теннисона, которому заказывали патріотическія оды на подобающіе случаи общественной жизни,—и передъ вами совершенно ясно вырисовывается почтеннѣйшая фигура нашего своеобразнаго Горація, вѣщавшаго благороднѣйшія мысли, всю свою долгую жизнь усердно прослужившаго сначала цензоромъ, а потомъ предсѣдателемъ комитета иностранной цензуры, умершаго тайнымъ совѣтникомъ и членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати и никогда не забывавшаго своего «превосходительства».

Въ своей частной жизни поэтъ былъ совершенно недостижимъ. Въ противоположность А. Н. Плещееву и Я. П. Полонскому, сдѣлавшимъ изъ своихъ домовъ тѣсныя кружки, куда охотно шли, зная, что тамъ встрѣтятъ всегда дружескій пріемъ и участливую рѣчь, Майковъ никого у себя не принималъ, за исключеніемъ самыхъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ, и жилъ замкнуто. Иногда, впрочемъ, по утрамъ, по особому спеціальному приглашенію къ нему робко заходили между десятью и одиннадцатью часами юные, а подчасъ и великовозрастные «поэты», которыхъ всегда и вездѣ пропасть и которые считаютъ за особую для себя «честь», когда какая-нибудь «знаменитость» просмотритъ изъ жалости бездарный зудъ ихъ сомнительнаго «творчества» и, возвращая имъ неписанную дѣтскимъ почеркомъ тетрадку, скажетъ изъ состраданья: «ну, что жъ, пишите, у васъ есть нѣкоторая форма и какъ будто проблески дарованья,—можетъ быть, что-нибудь изъ васъ со временемъ и выйдетъ». Врядъ ли такіе визиты къ «олимпійцу» можно считать общеніемъ поэта съ молодежью, которое постоянно существовало и было ключомъ въ сношеніяхъ нашихъ другихъ поэтовъ и начинающихъ беллетристовъ.

Въ нашей журналистикѣ почти нѣтъ совсѣмъ воспоминаній объ А. Н. Майковѣ, которые сказали бы о немъ хоть что-нибудь дѣйствительно теплое, задушевное, и издавшая тотчасъ послѣ его смерти

его ближайшимъ товарищемъ по службѣ, добрейшимъ М. И. Златковскимъ изысканная книжка (съ прекрасно исполненными портретами Майкова) все время какъ бы усиленно вылавливаетъ болѣе или менѣе «симпатичныя» черты его личности. Несомнѣнно, въ каждомъ писателѣ есть кое-что и симпатичное и сердечное въ сношеніяхъ съ близкими ему людьми, но это не составляетъ его общей характеристики, являясь частными страницами его интимной жизни.

Во всякомъ случаѣ А. Н. Майковъ представляетъ собою явленіе отнѣсно оригинальное и незаурядное. Будучи всѣмъ признанный «классикъ» въ поэзіи и подаривъ обществу перлы превосходныхъ, глубокихъ по содержанію, превосходно отшлифованныхъ и въ высшей степени гармоничныхъ стихотвореній, легендъ, балладъ, поэмъ, тонкихъ миниатюръ изъ эпохи расцвѣта Греціи и Рима (которые поэтъ обыкновенно подписывалъ псевдонимомъ «Аполлодоръ Гностикъ»), Майковъ всегда, повторяю, оставался холоднымъ, недоступнымъ настоящимъ страстямъ олимпійцемъ, творящимъ дивные образы, восхищающіе своею глубиной и художественностью, но отнюдь не трогающіе толпы. Ему можно было поклоняться, какъ крупнѣйшему таланту послѣпушкинской эпохи, но врядъ ли за нимъ можно было идти, какъ за Достоевскимъ.

То, что я сейчасъ сказалъ, далеко не мое личное мнѣніе: я постоянно въ теченіе многихъ лѣтъ слышалъ его изъ устъ многихъ совершенно различныхъ по духу и вкусамъ людей разныхъ укладовъ и убѣжденій, когда рѣчь заходила о Майковѣ.

Въ только что упомянутомъ мною «русскомъ литературномъ обществѣ», которое одно время, какъ я сказалъ, очень процвѣтало въ Петербургѣ и исчезло само собою въ началѣ девятсотыхъ годовъ, когда въ беллетристику появились многія новыя теченія, раздвинувшія писателей, можно было встрѣтить немало интересныхъ фигуръ.

Тамъ часто можно было видѣть Д. В. Григорьевича, Н. Н. Стрехова, А. А. Фета-Шеншина (когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ своего курскаго имѣнія), А. Н. Плещеева, А. П. Чехова, В. М. Гаршина, П. И. Вейнберга, И. О. Горбунова, Д. В. Аверкіева.

Д. В. Григоровичъ въ самые послѣдніе годы очень напоминалъ внѣшностью И. С. Тургенева, конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ. Высокій, широкоплечій, съ большимъ, нѣсколько румянымъ лицомъ славянскаго типа, сѣдой бородой (которую онъ отпустилъ вмѣсто прежнихъ бакенбардъ) и превосходной густой, бѣлоспѣжной шевелюрой (которую сталъ подстригать по-тургеневски), красиво обрамлявшей его лобъ, Григоровичъ представлялся издали какъ бы декорацией Тургенева, воспроизводившей въ памяти образъ незабвеннаго писателя. Будучи искони глубокимъ поклонникомъ И. С. Тургенева, Григоровичъ, кажется, не безъ тайнаго умысла придавалъ своей красивой внѣшности этотъ тургеневскій пріятный

колоритъ и, когда ему на это шути указывали, говорилъ, улыбаясь:

— Ну, что жъ, если хоть напомню немощко нашу русскую славу, дорогого Ивана Сергѣевича Тургенева, такъ и слава Богу! Пусть его лишній разъ вспомнятъ...

При несомнѣнномъ живомъ литературномъ талантѣ Григоровичъ отличался необычайнымъ легкомысліемъ и полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было правилъ этики... Расцѣловать васъ по-пріятельски, наговорить вамъ въ глаза кучу самыхъ горячихъ изліяній и чрезъ десять минутъ ругнуть васъ же съ другимъ «пріятелемъ» было для Д. В. Григоровича совершенно обычнымъ и естественнымъ дѣломъ, все неприличіе котораго онъ совершенно не сознавалъ. Будучи сыномъ вѣчно кутившаго гусара-помѣщика и французенки съ парижскаго бульвара, которая его на себѣ женила, Григоровичъ воспитался въ той сферѣ безшабашнаго вранья, гаерства, смикшонства и безпринципности, гдѣ слово «порядочность», понимается совершенно на особый ладъ, въ смыслѣ кого-нибудь «порядочно на чемъ-нибудь нагрѣть»...

Я думаю, не было ни одного человѣка въ Петербургѣ, который бы рѣшился серьезно повѣрить хоть одному слову Григоровича: до такой степени онъ непрерывно «фантазировалъ», и развѣ въ этомъ дарѣ могъ съ нимъ поспорить другой извѣстный нашъ литераторъ-романистъ Г. П. Данилевскій, котораго за скорость вымысла называли обыкновенно не иначе, какъ «скоробрешка».

Григоровичъ ничуть не стѣснялся описывать въ своихъ романахъ живыя лица своихъ добрыхъ знакомыхъ и всѣ событія такъ, какъ они на самомъ дѣлѣ происходили, и при этомъ придавалъ фабулѣ юмористическій и обидный для дѣйствующихъ лицъ отбѣнокъ. Такъ, въ своемъ романѣ «Проселочныя дороги» онъ описалъ весь Каширскій уѣздъ Тульской губерніи съ такой фотографической точностью, что мѣстные помѣщики, у которыхъ Григоровичъ жила въ чинимъ гостепріимствомъ такъ дурно воспользовался, рѣшили его за это хорошенько проучить и дѣйствительно «проучили» такимъ образомъ, который онъ долго не могъ забыть.

Для того, чтобы совершенно охарактеризовать, что такое былъ Григоровичъ, стоитъ еще добавить, что, будучи женатъ самымъ законнымъ образомъ на весьма почтенной пѣмкѣ изъ Вѣны, онъ со ни съ кѣмъ не знакомилъ, какъ съ женой, держа гдѣ-то подъ сурдинной вѣгъ Петербурга, а если кому и показывалъ, то не какъ жену, а какъ... содержанку, для пущаго шика...

А. А. Фетъ былъ съ виду русскимъ помѣщикомъ средней полосы, толстый, неповоротливый и въ достаточной степени ожирѣвшій. Только черты лица изобличали въ немъ его семитическое происхожденіе. Онъ былъ очень богатъ чрезъ бракъ на московской куличихѣ М. П. Щуккиной, жилъ всегда въ своемъ роскошномъ помѣстьи

и ни въ чемъ не нуждался. Когда сталъ приближаться его пятидесятилѣтній юбилей, вскорѣ послѣ литературныхъ «именинъ» Я. П. Полонскаго и А. П. Майкова (отпразднованныхъ при непосредственномъ участіи «русскаго литературнаго общества»), то А. Фетъ вдругъ сдѣлался чванливъ и сталъ усиленно хлопотать о полученіи... камергерства. Въ «сферахъ» это всѣхъ очень удивило. «Зачѣмъ,—говорили тамъ,—Фету камергерство? Вѣдь у насъ камергеровъ масса, а Фетъ одинъ на всю литературу?»

Какъ-то разъ Фета въ тѣсномъ кружкѣ друзей откровенно спросили, что именно его прельщаетъ въ камергерствѣ?

— Ну, я еще понимаю,—сказалъ кто-то,—мечтать о томъ, чтобы быть въ первыхъ чинахъ двора, быть оберъ-штаб-мейстеромъ, оберъ-гофмейстеромъ, а вѣдь званіе камергера весьма скромное и заурядное.

— Или вамъ нравится, Аѳанасій Аѳанасьевичъ, расшитый золотомъ мундиръ?

А. А. Фетъ молчалъ, улыбался, комически морщился и махалъ рукой.

— Ахъ, это все не то.

— Такъ что же?

— А мнѣ, знаете ли, вотъ что будетъ пріятно: чтобы надъ моимъ именемъ и фамиліей, на моей визитной карточкѣ, стояло: «камергеръ высочайшаго двора».

Его желаніе было исполнено: его къ юбилею пожаловали придворнымъ званіемъ камергера и утѣшили на всю жизнь.

Какъ подумаешь, какъ мелко тщеславны люди и какія мелочи ихъ могутъ серьезно осчастливить!

Домъ А. Н. Плещеева, стараго вдовца, настоящаго радушнаго москвича, былъ очень пріятный и гостепріимный. Онъ жилъ съ сыномъ и красавицей-дочерью (которая потомъ, по полученіи Плещеевымъ большого наслѣдства, вышла замужъ за гвардейца князя Сталь фонъ-Гольштейна) и у нихъ собиралось иногда много любопытной литературной молодежи. Я заходилъ къ Плещееву, когда онъ жилъ въ первомъ этажѣ стараго дома Лиснына, у Спаса Преображенія, и встрѣчался тамъ съ многообѣщавшимъ, но умершимъ въ юномъ возрастѣ поэтомъ С. Я. Надсономъ. Это былъ очень скромный молодой человѣкъ, прекрасно воспитанный, умный и симпатичный въ сношеніяхъ. Его красивое лицо съ грустными задумчивыми глазами носило явные слѣды чахотки. Поэтъ (съ большимъ дарованіемъ) ясно это сознавалъ, и это его угнетало. «Зачѣмъ мнѣ работать надъ своими вещами? Меня все равно скоро здѣсь не станетъ»...—слышали отъ него частенько эту ужасную по трагизму фразу.

Съ извѣстнымъ нашимъ «критикомъ», «философомъ» и «славянофиломъ» Николаемъ Николаевичемъ Страховымъ я былъ довольно близко знакомъ. Страховъ занималъ на Крюковомъ каналѣ двѣ боль

шихъ комнаты въ высочайшемъ пятомъ этажѣ, подъ небесами, въ квартирѣ своего стараго друга, нынѣ здравствующаго (въ Крыму) романиста Д. И. Стахѣва. Комнаты были заполнены книгами. Книжные шкапы и полки загораживали всѣ стѣны и углы. Одна изъ комнатъ была пріемной, а другая кабинетомъ и спальней. Потолокъ висѣлъ надъ самой головой, какъ въ мансардѣ, поражая своей чернотой, годами накопившейся отъ непрерывной табачной копоти лампы и пыли, но Страховъ ни за что не позволялъ производить у себя ремонта и бѣлить потолка и очень сердился, когда кто-нибудь обращалъ его вниманіе на пресловутый черный потолокъ его жилища и вообще на невѣроятную повсюду пыль, лежавшую на всѣхъ предметахъ его помѣщенія. Визитныя карточки, напримѣръ, на большомъ майоликовомъ блюдѣ у него на столѣ были всегда покрыты такимъ слоемъ пыли, что, дотронувшись до нихъ, чувствовалась потребность сполоснуть руки.

Страховъ былъ сухой, скучный, «размѣренный» человекъ, никого въ жизни не согрѣвшій и самъ, конечно, никѣмъ не согрѣтый. Это происходило отъ необычайной фальшивости этого ученаго натуралиста, который почему-то считалъ необходимымъ упорно скрывать свои мысли и чувства и никогда никому и нигдѣ не высказывать того, что онъ думаетъ о данномъ событіи, лицѣ, обстоятельствѣ, книгѣ и т. п. Всѣ его писанія были таковы, что могли быть свободно поняты и толкуемы на разные лады, по вкусу каждаго, и вообще критическія и полемическія статьи Страхова никогда не выражали опредѣленно, ясно и точно выводовъ самого автора. Я, не стѣняясь, звалъ Страхова въ глаза и при всѣхъ послѣдователемъ «римскихъ авгуровъ», которые говорили исключительно двусмысленныя рѣчи, чтобы всегда имѣть возможность сказать именно то, что въ данное время было нужно, и ловко отказаться отъ нежелательнаго смысла словъ.

Страховъ всегда осторожно ходилъ вокругъ да около каждаго сужденія и не было никакой возможности заставить его рѣшиться повѣдать міру его собственное мнѣніе о чемъ-либо.

Вышелъ, напримѣръ, его сборникъ статей о спиритизмѣ, писанныхъ въ разное время.

Въ одну изъ средъ, когда у Страхова собирался его добрые знакомые, я нарочно попросилъ хозяина сказать мнѣ, что онъ самъ думаетъ о спиритизмѣ: отрицаетъ его или признаетъ? За такія выходы уклончивый хозяинъ меня очень не любилъ. Я зналъ, что Страховъ ни за что не рѣшится прямо отвѣтить на ребромъ поставленный вопросъ, но, признаюсь, находилъ подчасъ грѣшное удовольствіе сердить подобными разговорами этого сухого, лицемѣрнаго и совершенно безсодержательнаго, въ сущности, «философа», всю свою долгую жизнь поддѣлывавшагося къ сильнымъ міра и желавшаго быть угоднымъ и пріятнымъ «и чужимъ и своимъ».

— Сами-то вы, добрыйшій Николай Николаевичъ, вѣрите въ спиритизмъ?—домогался я.

— Но прочтите мою книжку, и вы увидите,—елейно улыбаясь, посмѣиваясь и расправляя рукой свою протоіерейскую бороду, отвѣчалъ уклончиво хозяинъ.

— Я внимательно читалъ вашу книжечку, но совершенно не понималъ, какого именно вы сами мнѣнія о спиритизмѣ. Вы приводите о немъ разныя мнѣнія, совершенно противоположныя другъ другу, и притомъ лишь соприкасаетесь съ предметомъ, не разсматриваете его по существу.

— Нѣтъ,—у меня тамъ все въ точности обозначено.

— Да вы скажите намъ вотъ теперь, что вы думаете о спиритизмѣ. Признаете ли вы его особой какой-нибудь силой внѣ насъ, или просто самогипнозомъ. Или вѣрите въ мнѣнія мистиковъ о сверхчувственной духовности спиритизма?

— Какъ вамъ сказать? Это вопросъ очень сложный,—увиливалъ, отъ отвѣта нашъ философъ, отъ времени до времени посмѣиваясь и покуривая одну за другой папиросы.

— Однако вы занимались же и лично спиритизмомъ, бывали на опытахъ, присутствовали на сеансахъ?—спросилъ кто-то изъ гостей.

— Да, это бывало...

— Ну, и что же, какое впечатлѣніе оставляли на васъ обыкновенно эти сеансы?

— Я пришелъ къ мысли, что слѣдуетъ заниматься изслѣдованіемъ неизвѣстныхъ областей знанія и что въ этомъ—служеніе Богу. Вы читали эпиграфъ моего сборника? *Philosophare nihil aliud est quam Deum amare* (философствовать—не что другое, какъ любить Бога).

— А откуда вы взяли этотъ эпиграфъ?—спросилъ бывший при этомъ драматургъ Д. В. Аверкіевъ.

— Ужъ, право, не знаю, не помню...

— Ужъ не сами ли вы его и сочинили? Признавайтесь, Николай Николаевичъ,—и Аверкіевъ звонко засмѣялся своимъ искреннимъ, добродушнымъ смѣхомъ. Страховъ молчалъ, продолжая только улыбаться и поглаживать свою длинную сѣдую бороду, на половину закрывавшую его красноватое широкое лицо.

Такъ я и не добился, что думаетъ Страховъ о спиритизмѣ.

Когда я потомъ передавалъ объ этомъ разговорѣ Вл. С. Соловьеву, тотъ сталъ весело хохотать.

— Ни за что вы этого хитраго старца не поймаете, какъ ни ловите! Это какой-то необыкновенно скользкій вьюнъ!

Это была очень вѣрная характеристика Страхова.

На его среды собиравлось немало интереснаго народа. Тутъ бывали и его юные поклонники изъ учащейся молодежи, безуспѣшно

искавшие у «маститого» ученаго авгура совѣтовъ и указаній, отъ которыхъ онъ, конечно, ловко отвиливалъ, литераторы, журналисты и люди совѣмъ другой категоріи—его личные знакомые изъ чиновнаго міра.

Тамъ я видѣлъ между прочимъ братьевъ П. П. и Н. П. Семеновыхъ, такъ много поработавшихъ въ свое время надъ нерукотворнымъ памятникомъ освобожденія крестьянъ въ Россіи. Они охотно рассказывали о редакціонныхъ комиссіяхъ по составленію законовъ о крестьянахъ и съ восторгомъ вспоминали о личныхъ трудахъ въ этомъ достойномъ безсмертія дѣлѣ самого государя Александра II, собственная инициатива котораго была неизмѣнно одушевлявшей всѣхъ участниковъ великой реформы яркой путеводной звѣздой, освѣщавшей кремнистый путь ко благу милліоновъ нѣкогда безправныхъ и безличныхъ дѣтей нашей великой Россіи.

Я встрѣчалъ также у Страхова бывшаго тогда министра финансовъ И. А. Вышнеградскаго, его товарища по ученію, съ которымъ Страховъ былъ на ты. Вышнеградскій держалъ себя всегда чрезвычайно просто, умно шутилъ, охотно спорилъ, ловко играя афоризмами, и всегда рассказывалъ много интереснаго. Страховъ, изъ врожденнаго чувства пизкопоклонства, робѣлъ предъ своимъ высокопоставленнымъ пріятелемъ и до того, что не смѣлъ говорить съ нимъ попросту.

Разъ какъ-то Страховъ получилъ звѣзду, за которую, какъ это у насъ водится, ему надобно было внести въ казначейство извѣстную сумму денегъ чрезъ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ Страховъ служилъ, будучи членомъ ученаго комитета и библіотекаремъ Публичной библіотеки. Страхову очень не хотѣлось платить этихъ денегъ, такъ какъ онъ жилъ на весьма ограниченныя средства, и онъ поѣхалъ къ своему «другу» Вышнеградскому съ тайнымъ намѣреніемъ попросить его, какъ министра финансовъ, нельзя ли какъ-нибудь освободиться отъ платежа требуемой за звѣзду суммы. Но Страховъ попалъ въ недобрый часъ,—Вышнеградскій былъ чѣмъ-то въ тотъ день раздраженъ и, хотя и принялъ, конечно, Страхова очень любезно, но все какъ-то не давалъ ему ни времени, ни случая высказать своей просьбы, а самъ Страховъ не рѣшился заговорить объ этомъ и направить разговоръ на нужную тему. Просидѣвъ въ кабинетѣ министра битый часъ, Страховъ такъ и вернулся домой ни съ чѣмъ, не найдя въ себѣ смѣлости сказать Вышнеградскому, что ему хотѣлось и за чѣмъ онъ къ нему нарочно пріѣзжалъ.

Столь же заискивающими были у Страхова и его отношенія къ К. П. Побѣдоносцеву, у котораго онъ бывалъ какъ будто бы «запросто», но предъ которымъ забывалъ свое почтенное имя ученаго и чисто бюрократически трусилъ какъ предъ «его высокопревосходительствомъ».

Изъ литературнаго міра у Страхова я чаще другихъ встрѣчалъ драматурга Дверкіева, поэта Платона Кускова, Гіероглифова (фамилію котораго министръ И. Д. Деляновъ упорно считалъ за псевдонимъ и постоянно, при встрѣчѣ, спрашивалъ его: «а какъ же ваша настоящая-то фамилія?»), Вл. Соловьева (они постоянно спорили со Страховымъ о славянствѣ и сущности значенія западной и восточной церкви на страницахъ либеральнаго и ученаго «Вѣстника Европы» и узко-консервативнаго «Русскаго Вѣстника»), Э. Л. Радлова, П. Г. Моравека, О. Н. Берга (редактора въ тѣ времена «Русскаго Вѣстника»), профессора-слависта В. И. Ламанскаго и кое-кого другихъ.

Разговоръ былъ по средамъ разнообразный, но всегда до приторности «благодѣтельный», при чемъ излюбленными были двѣ темы, къ которымъ постоянно и возвращались: это извѣстная книга Н. Я. Данилевскаго «Россія и Европа» и графъ Левъ Толстой.

Тенденціозную книгу Н. Я. Данилевскаго, пропитанную извѣстной славянофильскою идеей о какой-то и почему-то «особой» міровой роли Россіи среди западныхъ государствъ, Страховъ упорно пропагандировалъ гдѣ и какъ могъ и прямо даже упрашивалъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ приобрести эту книгу.

Графъ Левъ Толстой былъ для Страхова настоящимъ кумиромъ. Онъ до такой степени предъ нимъ ложился ницъ и благоговѣлъ, что малѣйшее несогласіе во взглядахъ по этому поводу считалъ личнымъ для себя оскорбленіемъ и даже поводомъ къ ссорѣ. Изъ Льва Толстого Страховъ сдѣлалъ себѣ особый культъ и очень ловко грѣлся и блестялъ самъ въ лучахъ славы своего знаменитаго «друга». Портреты Льва Толстого—въ крестьянской рубашкѣ, босякомъ и за плугомъ—красовались, конечно, на первомъ мѣстѣ. Съ величайшимъ восхищеніемъ передавалъ Страховъ своимъ гостямъ о своихъ поѣздкахъ въ Ясную Поляну, куда онъ ежегодно благоговѣйно паломничалъ и гдѣ его Л. Н. Толстой охотно принималъ, пользуясь его знаніями при составленіи своихъ статей. Что сказали Толстой Страхову тогда-то, какое у него было при этомъ лицо и почему онъ промолчалъ на такой-то вопросъ,—все это передавалось по средамъ и поневолѣ должно было приниматься на вѣру.

Конечно, это претило очень многимъ изъ страховскихъ пріятелей, такъ какъ чувствовалось, что вѣчные разговоры о Толстомъ и спеціальныя «культъ» Толстого придуманы Страховымъ для самовосхваленія и самопрославленія. Никто изъ насъ съ нимъ въ Ясной Полянѣ не бывалъ и мы не знали, какъ именно принималъ его тамъ и «чествовалъ» графъ Толстой, но, судя по прямому и всегда открытому характеру нашего великаго писателя и его простымъ отношеніямъ къ людямъ, мнѣ, по крайней мѣрѣ, совершенно не вѣрилось, чтобы Страховъ игралъ такую исключительную роль въ Ясной Полянѣ, гдѣ постоянно бывали иностранцы, литераторы, ученые, путешественники, художники, люди во всякомъ случаѣ не менѣе

интересные, чѣмъ Страховъ. Мнѣ всегда представлялось поэтому, что о своихъ изнополянскихъ торжествахъ Страховъ пренебрежительно сочинялъ и что на самомъ дѣлѣ онъ держалъ себя съ Толстымъ такъ же низкопоклонно, какъ и съ прочими своими высокими друзьями.

V.

Очень интересный и совершенно своеобразный типъ представляла собой въ семидесятые годы весьма тогда популярная, извѣстная всему Петербургу редакторъ-издательница дѣтскаго журнала «Игрушечка» Татьяна Петровна Пассекъ, которая была моей крестной матерью.

Двоюродная сестра и подруга юныхъ дней А. И. Герцена, которую онъ съ шутливой нѣжностью называлъ «кузина Темпра изъ Корчевы», всю жизнь носила на себѣ какъ бы его прекрасный отблескъ, какъ бы его отраженіе, будучи вся переполнена «Сашей», которымъ когда-то жила вся Россія, прислушиваясь къ негодующему и свободному «Колоколу», мощно гремѣвшему изъ Лондона.

Извѣстныя воспоминанія Т. П. Пассекъ, подъ названіемъ «Изъ дальнихъ лѣтъ» (недавно вышедшія новымъ изданіемъ), имѣли выдающійся успѣхъ въ свое время, такъ какъ художественно дополняли собой «Былое и думы» Герцена и заставляли лучше и глубже понимать ихъ.

Т. П. Пассекъ была женщина исключительнаго для женщины ума, гибкаго и тонкаго, мыслящая съ поразительной логичностью и прямою, что придавало бесѣдѣ съ нею необычайную прелесть, такъ какъ съ ней всегда можно было говорить какъ съ мужчиной, а не «взрослымъ ребенкомъ», какими являются въ области мышленія женщины. Прибавьте къ этому прекрасное домашнее образованіе, большую начитанность, при этомъ задушевность, доброту и отзывчивость характера—и вы поймете, какой по истинѣ кладъ представляла собой Т. П. Пассекъ въ петербургскомъ обществѣ, скучномъ и безталантномъ сорокъ лѣтъ назадъ такъ же, какъ и въ данное время.

Къ ней прѣзжали посовѣтоваться по серьезному дѣлу и выслушивали всегда логическій и толковый совѣтъ; являлись за техническими справками по литературно-типографскому дѣлу, какъ къ издательницѣ журнала, и получали желаемое; къ ней шли «отвести душу», и уходили отъ нея успокоенные и обрадованные.

Т. П. Пассекъ была рѣдкій у насъ своеобразный типъ самобытной русской женщины съ отзывчивой душой и свободнымъ образомъ мыслей. Конечно, это вовсе не была та ужасная «свобода», которая такъ долго служила заѣзженной темой первыхъ двухъ государственныхъ думъ, а та свобода, которая даетъ силу мыслить безъ условностей и имѣть смѣлость говорить, во что вѣришь и за чѣмъ хочется идти. Вотъ почему въ ея домѣ вы могли встрѣтить и высокаго

дипломата, какъ нашъ посолъ въ Парижѣ князь Николай Алексѣевичъ Орловъ, съ которымъ Т. Пассекъ была въ тѣсной дружбѣ многіе годы, и самороднаго поэта-крестьянина Спиридона Дрожжина, робко искавшаго у Т. П. Пассекъ поддержки въ своихъ первыхъ литературныхъ шагахъ, и чопорную свѣтскую даму съ твердо изученнымъ «протоколомъ» свѣтскихъ обычаевъ и правилъ, и курситокъ съ развязными манерами и ребячливо-шумливыми голосами, съ тетрадками подъ мышкой.

Какъ это часто въ жизни встрѣчается, природный умъ и настоящее просвѣщеніе не мѣшали Т. П. вѣрить въ «сверхчувственное» и быть въ добрыхъ сношеніяхъ съ нашими выдающимися въ то время спиритами, какъ А. Н. Аксаковъ, проф. А. М. Бутлеровъ, проф. Н. П. Вагнеръ и мистеръ Юмъ.

Ихъ всѣхъ и я видалъ, чаще другихъ Н. П. Вагнера, который, бывая въ Москвѣ, заѣзжалъ къ моей матери, старой пріятельницѣ его сестры Е. П. Китарры.

Про всѣхъ этихъ корифеевъ спиритизма много въ свое время писано. Конечно, самымъ серьезнымъ изъ нихъ былъ А. Н. Аксаковъ, написавшій немало книгъ о спиритизмѣ и много разъ приглашавшій въ Россію на свой счетъ изъ-за границы медиумовъ. Это былъ добро-совѣстный «искатель», весь поглощенный занимавшимъ его вопросомъ. Къ этому же кружку слѣдуетъ отнести и покойнаго Виктора Ивановича Прибыткова, редактора понынѣ существующаго спиритическаго журнала «Ребусъ», средства на изданіе котораго давалъ опять все тотъ же А. Н. Аксаковъ.

Т. П. Пассекъ очень интересовалась «инымъ міромъ», присутствовала иногда на сеансахъ, которые были тогда очень въ модѣ, и у себя, въ самомъ тѣсномъ кружкѣ, устраивала бесѣды съ «духами».

Одинъ разъ какъ-то, послѣ неудачнаго сеанса, когда мы остались съ Т. П. Пассекъ вдвоемъ, я полюбопытствовалъ, вѣрилъ ли А. Н. Герценъ въ спиритизмъ и не являлся ли онъ когда-нибудь къ ней, когда она, можетъ быть, вызывала его на сеансахъ?

— Представь себѣ, никогда не являлся, а вѣрить,—конечно, онъ вѣрилъ... Да развѣ умный человѣкъ можетъ совсѣмъ не вѣрить чему-то иному, чѣмъ мы, что самостоятельно существуетъ и окружаетъ насъ? Непремѣнно, хоть немного, да вѣрить... А знаешь, какой со мной случай былъ тогда два тому назадъ—и все по поводу спиритизма и Саши...

— Случай на сеансѣ?

— О, нѣтъ, совсѣмъ не на сеансѣ, а лично со мной,—вотъ въ этой самой комнатѣ, въ этомъ самомъ углу, гдѣ стоитъ моя постель и столикъ, на которомъ я занимаюсь.

— Что же именно случилось?

— Случилось что-то очень странное и кошмарное... После смерти моего мужа, харьковского профессора Вадима Васильевича Пассека, я стала одно время очень часто видеть его во снѣ. Я отслужила панихиду, и сны прекратились... Злѣмъ, много лѣтъ спустя, я стала вдругъ видѣть Сашу и какъ-то все странно: онъ мнѣ представлялся необычайно грустнымъ, растеряннымъ. Я вотъ и рѣшила, что ему, — если загробный міръ существуетъ, — живется тяжело и онъ приходитъ къ близкой ему при жизни душѣ, ища облегченія. Но какъ же его успокоить? Конечно, помолиться о немъ, и я собралась въ одинъ день утромъ выйти пораньше изъ дому, войти въ ближайшую церковь и отслужить панихиду по рабѣ Божіемъ Александрѣ, который никогда не былъ атеистомъ, такъ же, какъ и я, хотя и не изучалъ катехизиса... И вотъ наканунѣ того самаго дня, когда я рѣшила это сдѣлать, не говоря объ этомъ никому изъ постороннихъ, произошло нѣчто изумительное, чего со мной больше въ жизни никогда не повторялось...

И Татьяна Петровна задумалась.

— Представь себѣ слѣдующее. После вечерняго чая я отпустила мою старую прислугу спать, просмотрѣла корректуру для ближайшаго нумера «Игрушечки», написала два дѣловыхъ письма и въ совершенно спокойномъ настроеніи духа собралась было уже спать. Я не думала ни о чемъ таинственномъ и завтрашней панихидѣ не придавала какого-нибудь особаго значенія. Я нѣсколько разъ въ жизни служила панихиды по роднымъ и близкимъ и въ этихъ молитвахъ объ усопшихъ, какъ бы устанавливающихъ душевную связь между ними и нами, не видѣла чего-нибудь исключительнаго. Голова уже давно клонилась на подушку, свѣча была погашена, но сонъ не шелъ почему-то. Самыя разнообразныя мысли лѣзли въ голову и мѣшали забыться... Все было тихо кругомъ, и я старалась упорно навѣять сонъ. Мои часы съ кукушкой (я люблю часы съ кукушкой) пробили половину перваго, и вотъ вдругъ гдѣ-то вдали-вдали чуть-чуть послышались какіе-то звуки... Кто-то шелъ по направленію ко мнѣ, по комнатамъ, минуя коридоръ, направляясь въ мою спальню, вотъ сюда, гдѣ мы теперь сидимъ съ тобой. Шелъ не одинъ. Я явственно различала стукъ множества ногъ о паркетъ—это была цѣлая толпа. Первою мыслью мелькнуло: это воры, но я сейчасъ же вспомнила, какъ старательно моя горничная усердно накладывала часъ тому назадъ цѣпь на крючокъ двери въ передней. Воры не могутъ пробраться—я бы услышала взломъ дверей... А шумъ шаговъ (какая-то рѣзкая противная топотня) все приближался. Я быстро протянула было руку къ столику за свѣчкой, но уронила отъ испуга спички на коверъ и, какъ ни шарила, не могла ихъ найти.

«А около меня, надо мной впотьмахъ уже стояли, вплотную наполняя мою спальню, и громко смѣялись... Боже, какъ смѣялись!

Что это былъ за ужасный смѣхъ! Тутъ были и раскатыстыя ноты гнѣва, пехидный дискантикъ, и исполненный злобой хохоть ненависти, и какія-то насмѣшливыя всхлипыванія... Словомъ, вокругъ меня хохотало море голосовъ на разные лады, и я, представъ себѣ, внутренно понимала, что это смѣются «они», отверженные души, надъ моею завтрашней молитвой... за Сашу. И они хохотали, какъ бы желая унижить меня, осмѣять, оскорбить, оплевать мою будущую панихиду. Я хотѣла крикнуть, но ужасъ сковалъ мои члены, и я не могла шевелиться. Однако я напрягла силы и крикнула, зовя прислугу. Никакого отвѣта: онѣ мирно спали вблизи кухни и ничего не слышали... Но вотъ кукушка грустно прокуковала четыре раза, и затѣмъ пробѣло часъ... И вдругъ застучали обратно громкіе шажки, и хохоть сталъ тише. Толпа повалила вонъ изъ моей комнаты, и звуки мерзкаго хохота постепенно затихли.

— Какъ это фантастически-странно и какъ это напоминаетъ стихотвореніе В. Гюго «Джизинны»!—сказала я.

— Да, но это было ужасно и эту ночь нельзя забыть всю жизнь.

— А прислуга ничего не слышала?

— Ровно ничего и на мои возгласы явилась очень скоро. Но дѣло не въ этомъ, а вотъ что ужасно,—и Т. П. грустно и какъ-то укоризненно и жалобно улыбнулась:—это то, что ни на другой день, ни послѣзавтра, ни на третій, ни на четвертый, ни чрезъ недѣлю, словомъ, никогда и до сегодняшняго дня я не исполнила моего желанія... помолиться за него, за Александра Ивановича...

И Татьяна Петровна поскорѣе смахнула, какъ бы конфузясь, концомъ платка набѣжавшія слезы.

— Неужели изъ-за этого смѣха? Но, согласитесь, здѣсь были всѣ признаки кошмара.

— Ужъ, право, я не знаю, кошмаромъ, вѣдь, все можно назвать... Однимъ словомъ, признаюсь тебѣ:—я не помолилась, я испугалась (и она опять грустно улыбнулась), что опять услышу этотъ смѣхъ!..

— А не являлся больше во снѣ Александръ Ивановичъ?

— Являлся, но все рѣже и рѣже. Теперь я его не вижу.

Однажды я засталъ у Т. П. блондина средняго роста, который рассказывалъ ей что-то по-французски, сердито, съ сильнымъ англійскимъ акцентомъ.

Это былъ Д. Юмъ.

Онъ передавалъ, какъ петербургскіе профессора пригласили его на «испытательный сеансъ» днемъ, въ холодную, неоплавленную аудиторию университета, гдѣ проморозили его битый часъ и гдѣ, конечно, ничего необыкновеннаго, кромѣ естественнаго озноба, не испытавши, рѣшили, что спиритизмъ—игра фантазій.

— Прощаясь,—говорилъ Юмъ,—я имъ предлагалъ себя во всякое время, но не въ холодильнике, гдѣ мерзнуть мысли и желанія, и чтобы они не ждали непременно чего-нибудь чудеснаго, такъ какъ

спиритическій сеансъ не есть химическій процессъ, который долженъ дать извѣстный результатъ при сліяніи или разъединеніи извѣстныхъ элементовъ.

И онъ уже добродушно засмѣялся.

Юмъ былъ женатъ на русской, родственницѣ извѣстнаго въ свое время рамолика-богача графа Г. А. Кушелева-Безбородко, котораго женила на себѣ Л. И. Голубцова, рожденная Кроль.

Я уже говорилъ, что домъ Т. П. Пассекъ былъ тѣмъ интереснѣе, что тамъ можно было встрѣтить лицъ разныхъ направленій, общественныхъ группъ и категорій, такъ какъ всѣ они, какого бы ни были лагеря, равно цѣнили замѣчательную женщину, широко отзывавшуюся на запросы жизни.

Довольно часто встрѣчалъ я здѣсь нашего извѣстнаго русскаго художника Харламова, всегда жившаго въ Парижѣ, но постоянно пріѣзжавшаго потѣшить въ Петербургъ, особенно въ рождественскіе праздники.

Онъ много любопытнаго рассказывалъ о жизни русской колоніи въ Парижѣ и особенно объ извѣстныхъ литературныхъ «обѣдахъ братьевъ Гонкуровъ» (на которыхъ ему удавалось участвовать), періодически устраиваемыхъ въ складчину дважды въ мѣсяцъ, гдѣ собирався блестящій цвѣтъ парижской беллетристики, изящно смѣшанный съ представителями художественнаго, артистическаго, музыкальнаго и даже ученаго міра.

Выдающеюся фигурой на этихъ обѣдахъ былъ, конечно, нашъ Тургеневъ, за которымъ всѣ коллеги дружески ухаживали, стараясь посадить поудобнѣе и такъ, чтобы около него сидѣлъ пріятный ему сосѣдъ, какъ, напримѣръ, Флоберъ, котораго Тургеневъ очень любилъ.

— За этими единственными въ своемъ родѣ обѣдами возникали иногда прелюбопытные разговоры, — рассказывалъ художникъ Харламовъ: — и очень жаль, что всѣ эти бесѣды пропали для общества почти безслѣдно, такъ какъ, конечно, участники обѣдовъ ни за что не соглашались допустить стенографистовъ въ свою дружескую компанію. Разъ, напримѣръ, вдругъ зашла рѣчь о такъ называемой «потусторонней» нравственности, и г. Галеви заявилъ: «О, въ этомъ отношеніи извѣстный англійскій поэтъ Свинборнъ (Swinburn) побьетъ рекордъ всѣмъ нашимъ развратникамъ! Недавно я познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который ѣздилъ купаться на островъ Уайтъ. Тамъ, во время прогулки онъ случайно встрѣтился съ Свинборномъ, который жилъ на морскомъ берегу, въ походной палаткѣ, одинъ, съ обезьяной, одѣтой въ женское платье, служившей ему прислугой. Свинборнъ пригласилъ юношу къ себѣ въ палатку. Обезьяна приготовила завтракъ. Во время трапезы Свинборнъ началъ проповѣдывать свободную теорію «однополый» любви и сталъ ухаживать за молодымъ человѣкомъ. Обезьяна на-

суплась, начала скалить зубы и выражала всѣ признаки мучившей ее ревности... Свинборнъ не обращалъ на это вниманія и ударилъ обезьяну хлыстомъ, а потомъ сталъ обнимать молодого человѣка. Обезьяна подняла ревъ и, въ бѣшенствѣ бросившись на юношу, вцѣпилась ему когтями въ горло съ намѣреніемъ задушить. Пришлось оттащить ее съ большимъ трудомъ, а гостю быстро ретироваться... Однако Свинборнъ и молодой человѣкъ продолжали видаться, но уже не въ присутствіи ревливой обезьяны-служанки. Какъ-то разъ Свинборнъ опять пригласилъ къ себѣ своего пріятеля въ береговую палатку къ завтраку. Имъ уже служилъ въ этотъ разъ пожилой лакей-ирландецъ. Во время завтрака подали жареное мясо, вкусъ котораго юношѣ показался какимъ-то страннымъ. «Что это за мясо?» спросилъ онъ у Свинборна. — «А помните обезьяну, которая хотѣла васъ хорошенько поцарапать? Это я изъ нея велѣлъ приготовить это блюдо», преспокойно объяснилъ англійскій поэтъ. — Какъ вамъ, господа, это нравится?

«Разсказъ Галеви произвелъ на всѣхъ ужасное впечатлѣніе. Поднялся шумъ, горячіе споры, многіе стали оспаривать возможность съѣсть свою любовницу, даже если бы она была только обезьяной, другіе говорили, что это выдумка молодого человѣка. Въ разговоръ между прочимъ вмѣшался и И. С. Тургеневъ.

«— Вы напрасно такъ волнуетесь, господа, — сказалъ Тургеневъ съ дивана, сидя въ сторонѣ за чашкой кофе: — отъ Свинборна, котораго я лично и довольно хорошо знаю, рѣшительно всего можно ожидать, такъ какъ, конечно, это врядъ ли нормальный человѣкъ... Какъ-то я шутя спросилъ его: что бы вамъ очень хотѣлось, любезный Свинборнъ, испытать вотъ сейчасъ наиболѣе оригинальнаго и несбыточнаго? «А вотъ что, — отвѣтилъ Свинборнъ: — посягнуть на св. Женевьеву во время ея самаго пламеннаго молитвеннаго экстаза, но при этомъ съ ея тайнаго согласія!..»

— Ну, а еще не было ли чего интереснаго на этихъ обѣдахъ? — спросили мы.

— Былъ еще въ другой разъ, напримѣръ, разговоръ о спиритизмѣ...

— Разскажите, — попросили мы всѣ: — что толковали у Гюнкеровъ о спиритизмѣ. Это любопытно!

— Дѣйствительно, вышло любопытно, — разсмѣялся Харламовъ, — и вотъ почему. Флоберъ и Эрнестъ Ренанъ стали разсказывать о необычайномъ какомъ-то медиумѣ, вызвавшемъ въ одномъ важномъ салонѣ тѣнь императора Нерона, которая явилась предъ всѣми, вся сіявшая фосфорическимъ свѣтомъ...

«Тутъ вдругъ вмѣшался въ разговоръ одинъ молодой лейтенантъ, только что вернувшійся изъ дальняго плаванія.

«— Позвольте вамъ заявить, господа, что это не что иное, какъ простой гипнозъ и что на Востокѣ это дѣлается очень просто.

«Ему стали, конечно, возражать.

«— Господа, вотъ вамъ то, что недавно еще было со мной,— сказалъ лейтенантъ.— Это было въ Александріи. Я гулялъ въ сопровожденіи моего денщика-матроса по городу и случайно попалъ на базаръ. Въ пестрой, разукрашенной флагами палаткѣ факиръ давалъ представленія. Я взялъ билетъ и зашелъ внутрь, а мой денщикъ остался у входа. Было много народа. На красномъ коврикѣ сидѣлъ въ зеленомъ халатѣ и маленькомъ разныхъ цвѣтовъ тюрбанѣ арабъ и поражалъ насъ чудесами. Онъ бросалъ палочку вверхъ, и она предъ нашими глазами безъ поддержки долго висѣла въ воздухѣ; онъ прокалывалъ себя насквозь и сухую шпагу вытаскивалъ изъ спины; онъ отрубалъ себѣ руку, которая потомъ сама прирастала и дѣйствовала; онъ пускалъ по палкѣ вверхъ цѣлый эскадронъ мышей, которыя, одна вслѣдъ за другой, добравшись до вершины палочки, безслѣдно исчезали въ воздухѣ, и разныя другія головокружительныя вещи. Прогремѣлъ звонокъ, представленіе окончилось, и я вышелъ на воздухъ. Денщикъ меня ждалъ у входа.

«— Ты видѣлъ, какія тамъ чудеса творились?—спросилъ я его, возвращаясь на фрегатъ.

«— Ничего особеннаго, сударь, я не видѣлъ,—отозвался матросъ.

«— Но, вѣдь, ты же смотрѣлъ, что факиръ показывалъ?

«— Смотрѣлъ, да онъ ничего не показывалъ,—онъ пускалъ мышей по палочкѣ, а потомъ, когда мышь была наверху, онъ ее снималъ и пряталъ себѣ за пазуху...

«— Ну, а какъ онъ себя прокололъ, ты видѣлъ?

«— Да онъ просто приложилъ шпагу къ груди—и только, а потомъ засунулъ ее подъ коверъ, а изъ-за спины вытащилъ другой ножъ.

«— А какъ руку себѣ отрубалъ—видѣлъ?

«— Нѣтъ-съ, этого не было; онъ просто ударилъ себѣ чѣмъ-то по рукѣ и спряталъ руку въ рукавъ халата—вотъ и все-съ...

«— Однимъ словомъ, факиръ за деньги меня гипнотизировалъ, а денщикъ, не заплатившій за это, былъ внѣ гипноза и ничего не видѣлъ... Какъ можно послѣ этого толковать о чудесахъ спиритическихкихъ сеансовъ!?»

VI.

Мнѣ было въ 1874 году семнадцать лѣтъ, когда скоростязно умеръ мой отецъ, извѣстный въ свое время въ Москвѣ присяжный повѣренный, и, по просьбѣ моей матери, нынѣ также покойной, ко мнѣ и моему младшему брату былъ назначенъ опекуномъ редакторъ-издатель «Современныхъ Извѣстій» Пинкита Петровичъ Гляровъ-Платоновъ.

Въ свое время это былъ очень замѣтный въ Москвѣ человѣкъ, уважаемый вообще всѣмъ русскимъ обществомъ, фигура крупная, съ своеобразнымъ міровоззрѣніемъ и недюжиннымъ умомъ.

Первый воспитанникъ московской духовной академіи, окончившій съ золотой медалью и получившій поэтому прибавленіе «Платоновъ» къ своей фамиліи (въ честь митрополита московскаго Платона, оставившаго особый капиталъ на лучшихъ по ученію стипендіатовъ его имени), затѣмъ самъ профессоръ той же академіи, потомъ цензоръ и, наконецъ, самостоятельный общественный дѣятель въ роли редактора собственной газеты, всюду и всегда Гиляровъ выдавался своей оригинальной личностью и необычайной научной эрудиціей.

Профессуру онъ оставилъ изъ-за придирокъ начальства, или, вѣрнѣе, митрополита Филарета московскаго, органически не терпѣвшаго свободной мысли и упорно гнавшаго отъ себя все оригинальное, все свѣжее и свободное отъ клерикализма. Обладая, несомнѣнно, большимъ умомъ, ученостью, необычайной силой воли и настойчивостью характера, митрополитъ Филаретъ былъ схоластикомъ самой чистой воды, не допускавшимъ никакихъ «новшествъ» въ богословской сферѣ и даже въ жизни вообще и съ наслажденіемъ культивировавшимъ средневѣковыя, никому непонятныя богословскія отвлеченности, достойный примѣръ которыхъ мы видимъ въ его пресловутомъ катехизисѣ, осилить который составляетъ особый подвигъ. Насколько Филаретъ былъ всегда чуждъ окружающей его жизни, видно изъ того, что онъ упорно не хотѣлъ проѣхать по впервые при немъ въ Россіи проведенной желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, совершенно при этомъ серьезно утверждая, что локомотивъ, движущій поѣздъ сгущеннымъ паромъ, есть «навозденъ лукаваго», а потому пользоваться имъ «грѣховно». Несмотря ни на какія убѣжденія и научные доводы, почтенный іерархъ остался «при своемъ мнѣніи» и ни разу не проѣхался по Николаевской желѣзной дорогѣ, не желая соприкасаться съ чертовщиной.

Можно ли было либеральному профессору, какимъ былъ Н. П. Гиляровъ, служить въ духовной академіи при такой своеобразной атмосферѣ?

Митрополитъ Филаретъ былъ необычайнымъ деспотомъ, и предъ нимъ московское духовенство въ прямомъ смыслѣ трепетало. Не даромъ про него въ Москвѣ и сложилась поговорка: «Владыка за трапезой пискарикъ скушаетъ, а цѣлымъ попомъ закусываетъ!» Духовенство его ненавидѣло, но его авторитетъ былъ такъ силенъ, что ни о какой оппозиціи ему нельзя было и думать, и вся церковная жизнь московской митрополіи безропотно ему подчинялась. Филаретъ былъ своего рода маленькимъ римскимъ папой, который, на манеръ папы римскаго, самовольно и совершенно безконтрольно распоряжался всѣми церковными дѣлами своего округа и держалъ

московское духовенство, и высшее и низшее, въ желѣзныхъ тискахъ, ничуть не страшась синода, который не смѣлъ поднять противъ него голоса.

Не довольствуясь своимъ семинаріями и церковно-приходскими школами, Филаретъ хотѣлъ вмѣшиваться и въ свѣтскую область и пріѣзжалъ въ московскій университетъ, присутствуя на экзаменахъ по богословію.

Это наконецъ надоѣло студентамъ, которыхъ Филаретъ безжалостно «рѣзалъ», ехидно предлагая самые головоломные вопросы изъ дебрей богословской премудрости, мало понятной для простого мірянина.

Разъ какъ-то владыка пріѣхалъ въ университетъ во время пепытаній по Закону Божию. Экзаменовавшійся студентъ прекрасно отвѣтилъ по билету, но Филарету захотѣлось его сбить, и онъ вдругъ предложилъ ему своимъ необычайно-тихимъ и «елейнымъ» голосомъ вопросъ:

— А не было ли какихъ святоотеческихъ пророчествъ въ отношеніи новѣйшей нашей исторіи?

Студентъ попался не изъ робкихъ.

— Конечно, были,—отвѣчалъ онъ авторитетнымъ тономъ.—На всякое событіе можно подыскать пророчество!

— А вотъ, напримѣръ,—допытывался владыка: — какое бы вы указали пророчество по поводу двѣнадцатаго года и нашествія на Россію иноплемениковъ?

Студентъ оказался не только смѣлымъ, но и находчивымъ.

— А вотъ хоть бы, напримѣръ, такое: «раздраша ризы моя и объ одеждѣ моей меташа жребій...».

Сидѣвшій рядомъ съ экзаминаторомъ, университетскимъ протоіереемъ, свѣтскій ассистентъ-профессоръ невольно фыркнулъ, сдерживая смѣхъ, а веселый студентъ еще громче повторилъ:

— Раздраша ризы моя и объ одеждѣ моей меташа жребій... Это предсказаніе вполне подходитъ...

Филаретъ покраснѣлъ и, совершенно позабывъ искусственно усвоенный имъ полупонятъ, громко и гнѣвно прокричалъ на всю аудиторію:

— Это ересь!

Затѣмъ быстро поднялся съ мѣста и уѣхалъ съ экзамена.

Съ этихъ поръ, къ радости студентовъ, онъ пересталъ бывать у нихъ на экзаменахъ богословія, а если когда изрѣдка и заѣзжалъ, то ужъ не предлагалъ такихъ вопросовъ.

Будучи мальчикомъ, я нѣсколько разъ былъ у митрополита Филарета въ Троице-Сергіевской лаврѣ, подъ Москвой, гдѣ онъ чаще всего жилъ.

Мой отецъ, вовсе не будучи исключительно набожнымъ человекомъ, очень, однако, симпатизировалъ митрополиту Филарету

за его умъ и ученость, какъ и многія лица пзъ московскаго общества (какъ, напримѣръ, Н. В. Сушковъ, написавшій даже цѣлый восторженный панегирикъ о Филаретѣ), не знавшія близко всѣхъ отрицательныхъ сторонъ владыки и не испытавшія на себѣ его желѣзнаго и безсердечнаго деспотизма. Отецъ лично зналъ митрополита, ѣзжалъ къ нему и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ; къ тому же онъ велъ какое-то гражданское дѣло одного дальняго его родственника и сообщалъ ему о положеніи процесса. Иногда онъ бралъ и меня съ собою.

Я еще былъ тогда совсѣмъ ребенкомъ, но твердо помню весь оригинальный обликъ этого любопытнаго монарха, котораго не трогалъ и слушался даже такой всевластный государь, какъ Николай Павловичъ. Филаретъ былъ очень низенькаго роста и худъ, какъ скелеть, такъ какъ дѣйствительно велъ строго-аскетическую жизнь и питался въ самомъ дѣлѣ, кажется, однимъ пшкарникомъ и чашечкой ухи съ кускомъ сухой просфорки. Говорилъ онъ очень тихо, почти шепталъ (этотъ шопотъ очень удачно называлъ Н. С. Лѣсковъ «тихоструй»), но не отъ слабости голоса, а нарочно, съ расчетомъ, желая произвести впечатлѣніе въ конецъ изнуреннаго постомъ и молитвой. Говорю такъ потому, что при мнѣ онъ довольно-таки громко покрикивалъ на келейника и забывалъ о своемъ «тихоструѣ». Что было особенно типично во внѣшности владыки—это его маленькія, тонкія руки замѣчательной красоты и бѣлизны, словно точенныя изъ слоновой кости, напоминающія холеныя руки какого-нибудь католическаго монсиньора-аристократа. Откуда могли взяться у Филарета, если онъ былъ дѣйствительно сыномъ простаго сельскаго дьячка, такія образцово-породистыя руки? Бываютъ, впрочемъ, иногда удивительныя сюрпризы природы, на которую все можно легко сваливать... Но самое главное, что поражало въ митрополитѣ, это глаза его—стальные, безучастно-холодные и насквозь пронизывающіе бѣднаго субъекта, имѣвшаго несчастье стать предметомъ ихъ вниманія. Я никогда больше не видѣлъ такихъ ужасныхъ глазъ. Когда я мальчикомъ впервые увидѣлъ Филарета, онъ, строго взглянувъ на меня, положилъ мнѣ на голову, благословляя, свою классически-изящную руку и спросилъ: «молитву Господню твердо знаешь?» Я почувствовалъ, какъ какой-то холодъ прошелъ у меня по всему тѣлу... И всегда затѣмъ, когда я видѣлъ владыку и онъ устремлялъ на меня свой взоръ, иногда даже довольно благосклонный, такъ какъ я на зубокъ зналъ всѣ тѣ молитвы, которыя онъ велѣлъ мнѣ выучить, я чувствовалъ какой-то страхъ, будто я въ чемъ-то провинился.

Когда впослѣдствіи я разсказалъ объ этомъ Н. П. Гилярову, съ которымъ былъ очень близокъ, какъ съ моимъ опекуномъ, то онъ громко смѣялся и говорилъ:

— Хорошъ отшельникъ и святой, какимъ его называли почитатели, когда онъ до смерти пугаетъ людей своими глазами! Глаза—

зеркало души, а если душа добрая и благостная, какая должна быть у святого, то и взоръ будетъ такой же...

Домъ Никиты Петровича былъ преинтересный. Хотя въ немъ и не было того, что мы называемъ «домашнимъ очагомъ», но и безъ этого личность хозяина была настолько симпатична, оригинальна и привлекательна, что сюда все охотно шли и прекрасно здѣсь себя чувствовали. Не было же, какъ я сказалъ, очага не по какимъ-нибудь очень серьезнымъ или особенно печальнымъ причинамъ, а просто въ виду характера супруги Никиты Петровича, всю жизнь не умѣвшей какъ-то «хозяйничать», уклонявшейся очень охотно отъ всякихъ практическихъ дѣлъ и смотрѣвшей на очень много спѣшнѣе врозь съ мужемъ. Зато въ близкомъ общеніи съ отцомъ были постоянно оба его сына, Алексѣй и Николай. Алексѣй былъ богато одаренная натура. Онъ шелъ первымъ въ гимназін, прекрасно окончилъ университетъ по филологическому факультету и избралъ себѣ ученую карьеру, ставъ со временемъ профессоромъ одного изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ. Николай, въ виду врожденной слабости здоровья на почвѣ общаго рахитизма, выразившейся въ довольно значительной хромотѣ, очень во многомъ, конечно, уступалъ своему исключительно талантливому младшему брату и, къ сожалѣнію, не могъ докончить своего образованія, ограничившись гимназіей. Однако и онъ былъ по природѣ развитой молодой человѣкъ и помогалъ отцу по конторѣ и редакціи «Современныхъ Извѣстій».

Эта газета шла первое время прекрасно и имѣла большой успѣхъ. Гиляровъ затѣялъ ее, покінувъ цензорство, гдѣ, по самостоятельности характера и прогрессивности мысли, имѣлъ, конечно, массу всевозможныхъ непріятностей, и всецѣло отдался общественной дѣятельности. «Современныя Извѣстія» носили до извѣстной степени характеръ славянофильскаго органа, причемъ очень серьезно разрабатывали церковные вопросы. Эти послѣдніе порой до того загромождали собой газету, что она принимала характеръ чисто клерикальной, что очень не нравилось юной и даровитой плеядѣ сотрудниковъ, группировавшейся вокругъ Никиты Петровича и искренно ему преданной. Между ними выделялся тогда совсѣмъ еще въ то время юноша г. Эфронъ-Литвинъ, человѣкъ большихъ познаній въ богословской области и горячаго темперамента.

Въ одной изъ своихъ брошюръ, подъ заглавіемъ: «Миссіонеры и начетчики», онъ, между прочимъ, даетъ чрезвычайно колоритно написанную характеристику Н. П. Гилярова и его редакціоннаго кружка. Въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» пописывалъ иногда и князь Николай Шаховской, ставшій впоследствии начальникомъ цензурнаго вѣдомства. Въ тѣ времена онъ былъ еще не кончившимъ курса гимназистомъ, очень льнувшимъ къ литературнымъ кружкамъ. Князь Шаховской питалъ къ Гилярову горячую симпатію

за его «славянскія идеи», глубоко его уважалъ и составилъ о немъ въ послѣдствіи интересную монографію (кажется, не законченную), главнымъ образомъ на основаніи переписки Гилярова, которую онъ старательно и кропотливо собиралъ и классифицировалъ. Предисловіе къ этой монографіи было напечатано въ московскомъ журналѣ «Русское Обозрѣніе», въ редакторство Анатолія Александрова.

Я упомянулъ, что клерикализмъ «Современныхъ Извѣстій» не очень нравился ближайшимъ сотрудникамъ Н. П. Они мало интересовались церковной жизнью и хотѣли бы видѣть газету исключительно общественно-политической. На этой почвѣ частенько по воскресеньямъ, за «редакціонными» обѣдами у Н. П., происходили между нимъ и его ближайшими сотрудниками горячіе споры и разсужденія. Однако Н. П. не сдавался, и его симпатичный органъ всегда былъ и оставался до извѣстной степени оппозиціонно-клерикальнымъ. Это вполне понятно. Гиляровъ готовился къ профессурѣ въ академіи, но не могъ осуществить своей мечты изъ-за тогдашняго церковнаго начальства и мстилъ ему въ своей газетѣ. Дѣйствительно, московское духовенство, съ Филаретомъ во главѣ, чутко прислушивалось къ «Современнымъ Извѣстіямъ» и даже побаивалось его языка.

Будучи глубокимъ богословомъ и церковникомъ, Гиляровъ не могъ, конечно, не интересоваться нашимъ расколомъ никогда, къ сожалѣнію, толкомъ не изученнымъ и по сей часъ не имѣющимъ о себѣ хотя бы только обстоятельныхъ монографій, если не серьезныхъ научныхъ изслѣдованій. Мы узнаемъ обыкновенно о нашихъ многочисленныхъ раскольниковыхъ сектахъ и согласіяхъ изъ газетныхъ случайныхъ корреспонденцій, съ не проверенными и зачастую прямо фантастическими свѣдѣніями. Есть статьи о нашихъ «религіозныхъ отщепенцахъ» А. С. Пругавина, тщательно изучавшаго судебныя дѣла о раскольникахъ, за что нельзя не сказать ему большое спасибо. Ему же принадлежатъ живо написанные очерки нашего «свѣтскаго» раскола. Имѣется нынѣ ставшая археологической рѣдкостью книга О. В. Ливанова «Раскольники и острожники», полная «страшныхъ» разсказовъ о скопцахъ, весьма сомнительной цѣнности и болѣе годная для чтенія московскихъ купчихъ, чѣмъ для серьезнаго знакомства съ расколомъ. Есть кое-какія отдѣльныя монографіи профессоровъ духовныхъ академій... Все это, не будучи лишено интереса, недостаточно полно, случайно, поверхностно и вовсе не рисуетъ намъ той внутренней духовной области русскаго сектантства, гдѣ возникали и развивались міровоззрѣнія и догмы нашихъ религіозныхъ новаторовъ.

Расколъ читается у насъ съ кафедръ духовныхъ академій, но не надо забывать, что читающіе о расколѣ академическіе профессора обязательно представляютъ его своимъ слушателямъ въ отп-

цательномъ свѣтѣ. Могутъ ли они поступать иначе, дорожа своими мѣстами и положеніемъ? Конечно, нѣтъ! Тѣ изъ нихъ, кто смѣлъ говорить свободное и справедливое слово о расколѣ, бывалъ принужденъ оставить свою должность. Одинъ изъ такихъ либераловъ былъ очень извѣстный въ свое время въ Москвѣ протоіерей Сергѣй Николаевичъ Терновскій, читавшій нѣкогда исторію раскола въ московской духовной академіи и за «свободомысліе» уволенный Филаретомъ отъ профессуры. Протоіерей Терновскій былъ затѣмъ долгое время приходскимъ священникомъ при церкви Успенія на Могильцахъ, гдѣ былъ очень любимъ и уважаемъ своей паствой.

Въ описываемую мною эпоху, т.-е. лѣтъ тридцать назадъ, въ Москвѣ появились «сютаевцы», послѣдователи секты крестьянина Тверской губерніи Сютаева, учившаго «жить по-Божьему». Сютаевцы не терпѣли иконъ, не ходили въ церковь, не признавали таинствъ и церковныхъ обрядовъ, не совершали браковъ, не хотѣли знать никакого начальства (подчиняясь мѣстной администраціи лишь въ силу необходимости), не имѣли никакой духовной іерархіи, жестоко критикуя наше духовенство, представители котораго въ деревняхъ являли собой, дѣйствительно, безобразные типы. Сютаевцы очень близко подходили къ толстовцамъ въ исканіи истины путемъ отрицательнаго отношенія ко всякому проявленію виѣшней символики церкви, хотя вліянія на нихъ графа Л. Н. Толстого, уже начавшаго тогда свою «проповѣдническую» дѣятельность, совсѣмъ не было, и Сютаевъ, мирно проживая въ селѣ своемъ Шевелинѣ, совсѣмъ не зналъ даже о существованіи Толстого и толстовцевъ. Точно также не имѣлъ онъ яснаго представленія и о В. А. Пашковѣ, хотя жившіе въ Петербургѣ въ рабочихъ сыновья Сютаева рассказывали ему кое-что о молитвенныхъ собраніяхъ «генерала Пашкова».

Близъ Петровскаго-Разумовскаго, подъ Москвой, гдѣ Н. П. Гпларовъ живалъ обыкновенно лѣтомъ, на своей красивой оригинальной постройки дачѣ, имѣвшей со всѣхъ четырехъ сторонъ совершенно особыя стили, съ огромнымъ садомъ и отличнымъ ягоднымъ огородомъ,—появились тогда сютаевцы, скромно пріютившись гдѣ-то въ поселкѣ, между Петровскимъ-Разумовскимъ и Петровскимъ паркомъ.

Я раза два-три заходилъ къ нимъ, чтобы лично имѣть понятіе объ этихъ сектантахъ. Ихъ было нѣсколько семей ремесленниковъ. Въ одной изъ нихъ старикъ-дѣдъ производилъ пріятное впечатлѣніе грамотея-начетчика, умѣвшаго поговорить и поспорить.

Однако, кромѣ вообще порицаній церкви и ея обрядовъ, я ничего иного отъ него не могъ извлечь и никакой творческой мысли въ его словахъ и въ разсужденіяхъ его товарищей не находилъ. При этомъ мнѣ немалого труда стоило убѣдить мирныхъ иsectателей истины, что я не слышалъ и не предаю ихъ въ руки полиціи.

Тогда исканіемъ истинъ заниматься запрещалось, и всѣ должны были хочешь не хочешь вѣрить по катехизису.

Въ настоящее время секта Сютаева совсѣмъ почти исчезла. Онъ самъ, будучи совершенно темнымъ и непросвѣщеннымъ человекомъ, давно умеръ; его дѣти не были способны продолжать дѣло отца. Теперь на роднѣхъ сютаевскаго согласія—въ селѣ Шевелинѣ Тверской губерніи—можно встрѣтить лишь нѣсколько отдѣльных семействъ, принадлежащихъ къ этому ученію.

Гораздо интереснѣе была секта «немоляковъ», появившаяся въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ землѣ войска Донского. Одинъ изъ представителей этой секты, казакъ Ефимовъ, пріѣзжалъ по дѣламъ своего толка въ Москву и заходилъ не разъ къ Гилярову, гдѣ я съ нимъ и познакомился. Я разговорился съ нимъ и такъ какъ всегда очень интересовался вообще всякимъ сектантствомъ, то и сталъ частенько посѣщать его. Онъ жилъ въ скромныхъ меблированныхъ комнатахъ на Никитской улицѣ (поближе къ Гилярову, занимавшему большой барскій особнякъ въ Ваганьковскомъ переулкѣ, на Знаменкѣ), былъ очень гостепріименъ и радушенъ и, встрѣчаясь со мной въ домѣ такого уважаемаго всѣми въ Москвѣ и извѣстнаго лица, какъ Гиляровъ, не считалъ меня за человека «опаснаго» и вель со мной откровенную бесѣду.

Главной основой секты «немоляковъ» было ученіе о «временахъ вѣка». Такихъ «временъ вѣка», по ихъ ученію, четыре, а именно отъ сотворенія міра до Моисея—весна, отъ Моисея до Иисуса Христа—лѣто, отъ Рождества Христова до 1666 года—осень, а отъ 1666 (года клятвъ) и до нашихъ дней—зима, или «вѣкъ святаго Духа».

По ученію «немоляковъ», истина давно погасла на землѣ и такъ какъ уже наступилъ вѣкъ святаго Духа, то одно спасеніе—понимать жизнь духовно. Поэтому все Священное Писаніе сектанты толковали иносказательно, въ духовномъ смыслѣ, основываясь въ этомъ на словахъ самого же Писанія: «отверзу уста моя въ притчахъ». Идя по этому пути, немоляки толковали всю жизнь Иисуса Христа, Его рожденіе, страданія, смерть, воскресеніе и вознесеніе духовно, мистически: Дѣва Марія между прочимъ есть благое дѣло, отъ котораго родилось слово Божіе, то-есть Иисусъ Христосъ, сынъ Божій; таинство рожденія Христа они не признавали; Богъ-Отецъ, въ ихъ представленіи,—«отеческое правило», бывшее до Рождества Христова, Богъ Сынъ—«сыновнее правило», имѣвшее силу отъ Рождества Христова до 1666 года, а Святой Духъ—существующее нынѣ правило, послѣднія времена. По ученію секты, со времени окончанія седьмой тысячи лѣтъ (отъ сотворенія міра) всѣ церковныя власти и церковное богослуженіе потеряли всякое значеніе, вслѣдствіе чего немоляки совершенно отрицаютъ духовную іерархію, а храмы приравниваютъ къ простымъ домамъ. Таинства, по словамъ

немоляковъ, совершались правильно, въ угоду Богу, только до седьмой тысячи лѣтъ, а въ подтвержденіе такого взгляда приводятъ иносказательное мѣсто Священнаго Писанія: «премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ семь», объясняя по-своему эти слова въ томъ смыслѣ, что все, созданное семью вселенскими соборами, существовало въ надлежащей чистотѣ и цѣлости лишь до исхода седьмой тысячи лѣтъ.

Никакихъ, поэтому, таинствъ секта не признаетъ, дѣтей не крестить, браковъ не совершаетъ, иконы, посты, праздники отвергаетъ, никакихъ поповъ не имѣетъ, ни даже выборныхъ старѣйшинъ, какіе существуютъ у молоканъ и штундистовъ, опредѣленныхъ молитвъ не знаетъ, а каждый молится по-своему, духовно, а правилъ церкви и законовъ гражданскихъ исполнять не считаетъ нужнымъ.

Духовныя толкованія правилъ вѣры у немоляковъ вообще крайне слабы, и, доискиваясь, до «духовнаго» смысла Священнаго Писанія, они доходили до абсурдовъ. Такъ, напримѣръ, вышеупомянутый казакъ Ефимовъ такое простое и всѣмъ понятное мѣсто Евангелія, какъ «вниди въ клѣтъ твою, затвори двери твоя и помолись втайнѣ», толковалъ (какъ и его единомышленники) въ томъ смыслѣ, что «войти въ клѣтъ» значитъ умолкнуть, а «затворить дверь» — закрыть уста.

Помимо всего это настойчивое исканіе въ Священномъ Писаніи цифры 7 (семь свѣтильниковъ, семь очей, семь столповъ, семь ангеловъ, семь дѣвъ и т. д.) и попытки построить на этомъ теорію о прекращеніи «правильной жизни» на землѣ послѣ седьмой тысячи лѣтъ отдастъ такой притянутой за волосы схоластикой, что невольно удивляешься, откуда основатель секты, донской казакъ Гаврила Зиминъ, взялъ эту неудачно придуманную теорію религіознаго міровоззрѣнія. По всей вѣроятности, на Зимина, презняго старообрядца, затѣмъ поповца, а вслѣдъ за тѣмъ безпоповца, немало повліяли разныя старопечатныя старообрядческія книги и всевозможныя рукописи, во множествѣ ходившія по рукамъ на Дону среди тамошнихъ раскольниковъ.

Помню, какъ казакъ Ефимовъ усердно хлопоталъ въ Москвѣ о полученіи рекомендательныхъ писемъ къ тогдашнему оберъ-прокурору святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцеву, при чемъ Гиляровъ, лично знавшій всесильнаго тогда сановника (котораго шутя называли «въ свѣтѣ» le cardinal, а среди духовенства капа), наотрѣзъ отказалъ дать свое письмо.

— Изъ моего письма (миѣ, вѣдь, написать не трудно!) вамъ только хуже выйдетъ, — убѣждалъ онъ Ефимова. — Меня Побѣдоносцевъ не переноситъ, да къ тому же и моя рекомендація, въ сущности, нуль! Развѣ я человѣкъ сильный?

— Да вѣдь онъ, я слышалъ, человѣкъ не злой, — просто душно возражалъ казакъ.

— Не только не злой,—соглашался Гиляровъ:—по въ личныѣ сношеніяхъ съ людьми прямо даже добрый и отзывчивый; но у него, батюшка, свои «убѣжденія»—хотя бы, грѣшнымъ дѣломъ, и самыя обскурантныя—и онъ за нихъ цѣлко держится... При этомъ и того не забывайте, что, вѣдь, онъ и по службѣ своей—на стражѣ у православія. Какъ же это онъ станетъ любезничать съ раскольниками?

— Такъ чѣ же письмо подѣйствуетъ?—домогался Ефимовъ.

— Въ дѣловомъ смыслѣ—рѣшительно ничѣ, такъ и знайте! Но чтобы васъ поскорѣ приняли и внимательно выслушали, попросите дать вамъ письмо Каткова. Вѣдь вы его уже знаете и къ нему заходили... Это, батенька, сила не чета мнѣ!

Ефимовъ такъ и сдѣлалъ.

М. Н. Катковъ, какъ философъ, ничего не имѣлъ вообще противъ религіозныхъ исканій; къ тому же онъ очень цѣнилъ въ нашихъ раскольникахъ охранительныя начала старо-русскихъ устоевъ и не разъ указывалъ, что ни въ одномъ политическомъ процессѣ, которые безконечной вереницей тянулись въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, вы не встрѣтите ни одного раскольника. Онъ дружелюбно принялъ Ефимова и охотно далъ ему просимое письмо.

Казакъ укатилъ въ Петербургъ хлопотать о своихъ единомышленникахъ, которымъ, по приказу «начальства», чинили разныя непріятности, хотя въ описываемое время ихъ было вообще немного. Большинство немоляковъ переселено было на Кавказъ, а за «упорствующими» былъ учрежденъ надзоръ. Теперь, кажется, ни на Кавказѣ, ни въ землѣ Донского войска представителей этой секты совсѣмъ нѣтъ. По крайней мѣрѣ, въ бытность мою недавно на службѣ на Кавказѣ, въ 1900—1903 г., я ничего не слышалъ про «немоляковъ»; точно также я не получилъ о нихъ никакихъ свѣдѣній и отъ станичниковъ, когда заглядывалъ въ казацкія поселенія войска Донского. Говорили, что есть кое-гдѣ отдѣльныя семьи «немоляковъ» въ станицѣ Прохладной, напримѣръ, но никакихъ подробностей о нихъ я получить не могъ.

Ефимовъ вернулся изъ Петербурга совершенно разстроенный. К. П. Побѣдоносцевъ его принялъ очень любезно, даже въ особой аудіенціи, и даже бесѣдовалъ съ нимъ на сектантскія темы, поразивъ темнаго казака своей эрудиціей и прекрасной памятью, но при этомъ заявилъ, что, какъ представитель синодальнаго вѣдомства, онъ не считаетъ себя въ правѣ хлопотать за «отщепенцевъ» отъ православной церкви.

— Ну, и что же вы ему возражали?—спросили мы.

— А что же я такому ученому человѣку возражать могу?!—грустно отвѣтилъ казакъ.—Однако я сказалъ, что мы дурного не дѣлаемъ и на землѣ истину ищемъ.

— Ну, а онъ на это что?

— А онъ на это разсмѣялся, да и говорить: а зачѣмъ вамъ знать истину-то? Много будете знать—скоро состаритесь! Чѣмъ дольше ее не узнаете, тѣмъ лучше... Станный такой у васъ этотъ самый генераль Побѣдоносцевъ,—вздыхнулъ казакъ, разводя руками.

Историческій обскурантизмъ «кардинала» показался чудовищнымъ простосердечному человѣку, а между тѣмъ этотъ «генераль Побѣдоносцевъ» такъ долго игралъ выдающуюся роль въ судьбахъ Россіи, послѣ кроваваго 1-го марта и паденья графа Лорисъ-Меликова.

И этимъ мы были обязаны кучкѣ безумцевъ съ Перовской и Желябовымъ во главѣ!

Такъ и уѣхалъ бѣдный казакъ ни съ чѣмъ обратно на свой «тихий Донъ», уничтоженный въ конецъ неожиданными откровеньями изъ устъ великаго обскуранта земли русской.

Что, однако, самое курьезное въ только что описанной встрѣчѣ «охранителя» православія съ представителемъ раскола, такъ это то, что въ то самое время, когда Побѣдоносцевъ былъ глухъ и нѣмъ къ нуждамъ «отщепенцевъ» отъ православія, въ качествѣ стража интересовъ господствующей церкви, онъ позволялъ другимъ сектамъ совершенно свободно проповѣдывать свое ученье и совершать свой культъ въ русской столицѣ, и не гдѣ-нибудь на ея окраинѣ, а въ лучшей части города.

Я говорю про извѣстную секту првингіанъ, получившихъ это названье отъ имени своего ошователя, шотландскаго пастора В. Ирвинга, задавашагося цѣлью возстановить древне-христіанскую общину апостольскихъ временъ со всѣми подробностями ея внутренняго строя. Такъ, мы видимъ у првингіанъ всю ея прежнюю іерархію, съ пресвитерами, діаконами, діакониссами, ангелами (то есть епископами) и, наконецъ, даже апостолами, которыхъ у ирвингіанъ двѣнадцать. Поэтому сами првингіане называютъ свою общину «каѳолическая апостольская церковь». Эта секта, представителемъ которой былъ у насъ (и понынѣ есть) докторъ-гомеопатъ Викторъ Александровичъ Дитманъ, издавна существовала въ Петербургѣ и свободно пропагандировала свое ученье, благодаря сильной поддержкѣ со стороны своихъ прозелитовъ, принадлежавшихъ къ высшему обществу. Достаточно сказать, что однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ првингіанской секты въ Петербургѣ былъ тогда не кто иной, какъ генераль-адъютантъ О. В. Рихтеръ, бывшій въ то время командующимъ императорскою главной квартирой, очень близкій къ государю Александру III человѣкъ, а также самъ директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій гофмейстеръ графъ Эммануиль Сиверсъ. Оба они занимали высокое положенье при дворѣ, и, конечно, сподальный оберъ-прокуроръ не считалъ для себя удобнымъ играть въ

данномъ случаѣ роль стража интересовъ православія и подвергать себя ихъ опасному гнѣву, а поэтому и «не замѣчалъ» существованія въ столицѣ аристократическаго кружка ирвингіанъ, еженедѣльно собиравшихся въ свою «капеллу», помѣщавшуюся тогда на Сергіевской улицѣ, въ домѣ австрійскаго посольства, въ сдаваемомъ внаймы надворномъ флигелѣ.

Во время этихъ богомоленій въ ирвингіанской церкви, устроенной на манеръ лютеранской церкви, съ ритуаломъ, напоминающимъ протестантскую мессу (пресвитерствовалъ В. Дитманъ), иногда на кого-нибудь изъ присутствовавшихъ здѣсь «просвѣтленныхъ» вдругъ находилъ «даръ языковъ» (какъ было съ апостолами, шедшими проповѣдывать слово Божье во всѣ концы земли), и онъ начиналъ лепетать невнятные и непонятныя слова, которыя должны были изображать тотъ никому невѣдомый языкъ, на которомъ со временемъ онъ станетъ проповѣдывать ирвингіанство, если только кто-либо его уразумѣетъ.

Самая месса ирвингіанъ, съ банальной проповѣдью и пѣніемъ всѣми присутствующими псалмовъ и особыхъ религіознаго содержания пѣсенъ, очень, какъ я сказалъ, была похожа на лютеранское богослуженіе или, вѣрнѣе, баптистскія и штундистскія богомоленія, и совсѣмъ не напоминала собой тайныя собранія христіанъ въ апостольскія времена.

Секта не заключала въ себѣ рѣшительно ничего вреднаго. Она и по сей часъ существуетъ, съ капеллой въ Царскомъ Селѣ и В. Дитманомъ въ роли пресвитера и, можетъ быть, теперь ужъ и «ангела», но самое возмутительное было то, что одновременно съ пышнымъ процвѣтаніемъ ирвингіанъ въ Петербургѣ другая секта, не пользовавшаяся расположеніемъ и поддержкой придворныхъ кавалеровъ, подвергалась упорнымъ гоненіямъ и преслѣдованію.

Я говорю о пашковцахъ, во главѣ которыхъ стоялъ человекъ, дѣлавшій много реального добра и помогавшій ближнимъ своими личными средствами въ очень большихъ размѣрахъ, устраивая дешевыя столовыя для столичной бѣдности, которая съ радостью стекалась къ нему искать утѣшенія и поддержки.

В. А. Пашковъ былъ замѣчательно цѣльнымъ типомъ христіанина, проповѣдывавшаго дѣятельную любовь къ окружающимъ и учившаго своимъ личнымъ примѣромъ.

Богатый баринъ, бывшій гвардеецъ, помѣщикъ, принадлежавшій по родству и связямъ къ избранному обществу, сталъ проповѣдывать и толковать Евангеліе въ своемъ роскошномъ домѣ на Гагаринской набережной (теперь эта набережная носитъ названіе Французской, а въ прежнихъ хоромахъ Пашкова помѣщается французское посольство) и принимать у себя всѣхъ, желавшихъ его слушать и совмѣстно молиться. На эти молитвенныя собранія ходила масса всякаго люда. Вы могли встрѣтить здѣсь представителей аристо-

кратическаго круга и самаго темнаго простолюдинъ, сумѣвшихъ сразу одѣлать и полюбить Пашкова, какъ дѣйствительно добраго и убѣжденнаго человѣка, сердечно и просто, безъ всякой претензіи на возстановленіе древне-христіанской общины съ ангелами и діакониссами, учившаго понимать слово Божіе и помогавшаго ближнему съ любовью и охотно изъ своихъ достатковъ.

Захоти Пашковъ поискать себѣ поддержки у вліятельныхъ чиновъ двора, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что ему не препятствовали бы дѣлать свое доброе и похвальное дѣло, и тотъ же Побѣдоносцевъ, отличавшійся необыкновеннымъ умѣніемъ примѣняться къ обстоятельствамъ, такъ же снисходительно не замѣчалъ бы пашковскаго кружка, какъ онъ дѣлалъ это въ отношеніи ирвингіанъ. Однако у Пашкова такихъ лицъ не было. Онъ ни въ комъ не заискивалъ, шелъ прямо своей дорогой, открыто и благородно...

И что же? Въ ирвингіанской капеллѣ на Сергіевской безпріятственно собиравшійся по воскресеньямъ бомондъ ждалъ пашествія на «избранника» пресловутаго «дара языковъ», а В. А. Пашкову была категорически запрещена его горячая проповѣдь и его молитвенныя собранія.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ въ то время графъ Д. А. Толстой, о которомъ я уже говорилъ въ началѣ моихъ бѣглыхъ воспоминаній. Помню, какъ вдругъ по всему Петербургу стала ходить изъ устъ въ уста настойчивая новость: «графъ Толстой приглашалъ сегодня къ себѣ Пашкова и запретилъ ему проповѣдывать». Одни рассказывали объ этомъ съ удовольствіемъ, другіе (такихъ было большинство) съ огорченіемъ и открытымъ негодованіемъ. Къ общей ненависти всего порядочнаго русскаго общества къ графу Д. А. Толстому прибавился еще одинъ большой плюсъ.

Я былъ лично знакомъ съ В. А. Пашковымъ, постоянно бывалъ въ воскресные вечера на его молитвенныхъ собраніяхъ и встрѣчался еще съ нимъ въ одномъ знакомомъ домѣ. Тамъ именно я и встрѣтился съ нимъ вскорѣ послѣ его свиданія съ министромъ.

— Что жъ дѣлать,—говорилъ онъ съ огорченіемъ:—придется уѣхать изъ Россіи, гдѣ не позволяется совмѣстно молиться, читать слово Божіе и толковать о прочитанномъ... Мнѣ сказано, что я «совращаю», но какъ и во что? Графъ Толстой не могъ мнѣ на это ничего отвѣтить, но я ему подсказалъ: я «совращаю» христіанъ въ христіанство; не въ этомъ ли ужъ моя вина?—«Вы проповѣдуете ересь», докторальнымъ тономъ возвѣстилъ мнѣ графъ мое прегрѣшеніе. «Въ чемъ же моя «ересь»?—спросилъ я.—Если я распространяю «ересь», то будьте добры привлечь меня къ уголовной отвѣтственности по суду: за ересь строго наказываютъ; но я заранѣе увѣрею въ побѣдѣ»... Министру, конечно, этого совѣтъ не хотѣлось... Онъ категорически предложилъ мнѣ отказаться отъ своей дѣятельности. Я сказалъ, что дѣлать этого не могу, такъ какъ считаю свой путь

правымъ и Божескимъ, и не хочу... «Однако, графъ, скажите же мнѣ теперь, въ чемъ именно состоитъ моя «ересь»? допытывался я, смотря на министра въ упоръ. Толстой смѣшался и покраснѣлъ; вся его коротенькая фигурка выражала замѣшательство. «Значить, вы отказываетесь отъ своего обвиненія?» спросилъ я снова, давая ему время оправиться. Чувствуя всю неловкость своего положенія, графъ началъ сердиться. «Такъ что же вы теперь намѣрены предпринять?» спросилъ онъ меня, не давая отвѣта на вопросъ. «Что предпринять?»—удивился я.—Неужели, ваше сіятельство, вы не догадываетесь сами, зная меня хоть немного? Неужели вы думаете, что я подчинюсь вашему распоряженію? Я немедленно, конечно, уѣду изъ Петербурга и поневолѣ покину Россію, мою родину, которую горячо люблю, но будьте увѣрены, графъ, никогда въ жизни не оставлю моего дѣла, добрые плоды котораго явно ощущаю.. Сѣмя брошено—съ помощію Божіей оно укрѣпится и возрастетъ пышнымъ колосомъ, гдѣ бы я ни былъ, здѣсь ли, или за границей. Въ этой области, Дмитрій Андреевичъ, ни вы, ни г. Побѣдоносцевъ не властны». На этомъ закончилась наша бесѣда. Мы разошлись, не прощаясь.

Вскорѣ В. А. Пашковъ уѣхалъ съ семьей за границу. Большую часть времени онъ провелъ въ Базелѣ. За границей онъ и умеръ.

Дѣло его не погибло, и предвидѣніе сбылось. Пашковцы слились съ баптизмомъ и въ такомъ видѣ продолжаютъ существовать. Теперь они носятъ названіе «евангельскихъ христіанъ».

С. У.

